

М. Волкова

С. Довлатов

Не только БРОДСКИЙ

Русская культура в портретах и анекдотах

М. Волкова

С. Довлатов

Не только БРОДСКИЙ

Русская культура в портретах и анекдотах

М. Волкова

С. Довлатов

Не только БРОДСКИЙ

Русская культура в портретах и анекдотах

Москва
Рик «Культура»
1992

Волкова М., Довлатов С.

Д58 Не только Бродский. М.: РИК «Культура», 1992. 112 с.

Книга Марианны Волковой и Сергея Довлатова «Не только Бродский» представляет собой своеобразный жанр, где изобразительное начало органично сплавлено с литературным: замечательные фотографии известных деятелей современной отечественной культуры (метрополии и русского зарубежья), сделанные М. Волковой, даны в сопровождении специально написанных к ним текстов С. Довлатова. Среди героев книги — В. Аксенов, А. Битов, А. Вознесенский, Н. Коржавин, М. Ростропович и другие.

460300000—003

Д Б (59—02)—92 Без объявления

ББК 84Р7+83.3Р7

ISBN 5—8334—0020—1

© Фотографии — Марианны Волковой

© Текст — Сергей Довлатов

*Не только Бродскому — всем
деятелям культуры русского
зарубежья посвящают эту книгу
авторы.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга родилась при следующих обстоятельствах. У Марианны Волковой сидели гости. В том числе — Довлатов. Марианна показывала гостям свои работы.

— Это Барышников, — говорила она, — Евтушенко, Ростропович...

Каждый раз Довлатов монотонно повторял:

— Я знаю про него дурацкую историю...

И вдруг стало ясно, что это готовая книга. Друзья спросили:

— Значит, там будут слухи? И сплетни?

— В том числе и сплетни... А что?

Ведь сплетни характеризуют героев так же полно, как нотариально заверенные документы. Припомните сплетни о Достоевском. Разве они применимы к Толстому? И наоборот...

В общем книга готова. Суть ее в желании запечатлеть черты друзей. А может быть, в желании запечатлеть себя. Недаром Марианна говорила:

— Люди, которых мы фотографируем, тоже разглядывают нас через объектив.

Ведь память, изящно выражаясь, — это единственная река, которая движется наперекор течению Леты.

Белла АХМАДУЛИНА

Это было после разоблачения культа личности. Из лагерей вернулось множество писателей. В том числе уже немолодая Галина Серебрякова. Ей довелось выступить на одной литературной конференции. По ходу выступления она расстегнула кофту, демонстрируя следы тюремных истязаний. В ответ на что циничный Симонов заметил:

— Вот если бы это проделала Ахмадулина...

Впоследствии Серебрякова написала толстую книгу про Маркса. Осталась верна коммунистическим идеалам.

С Ахмадулиной все не так просто.

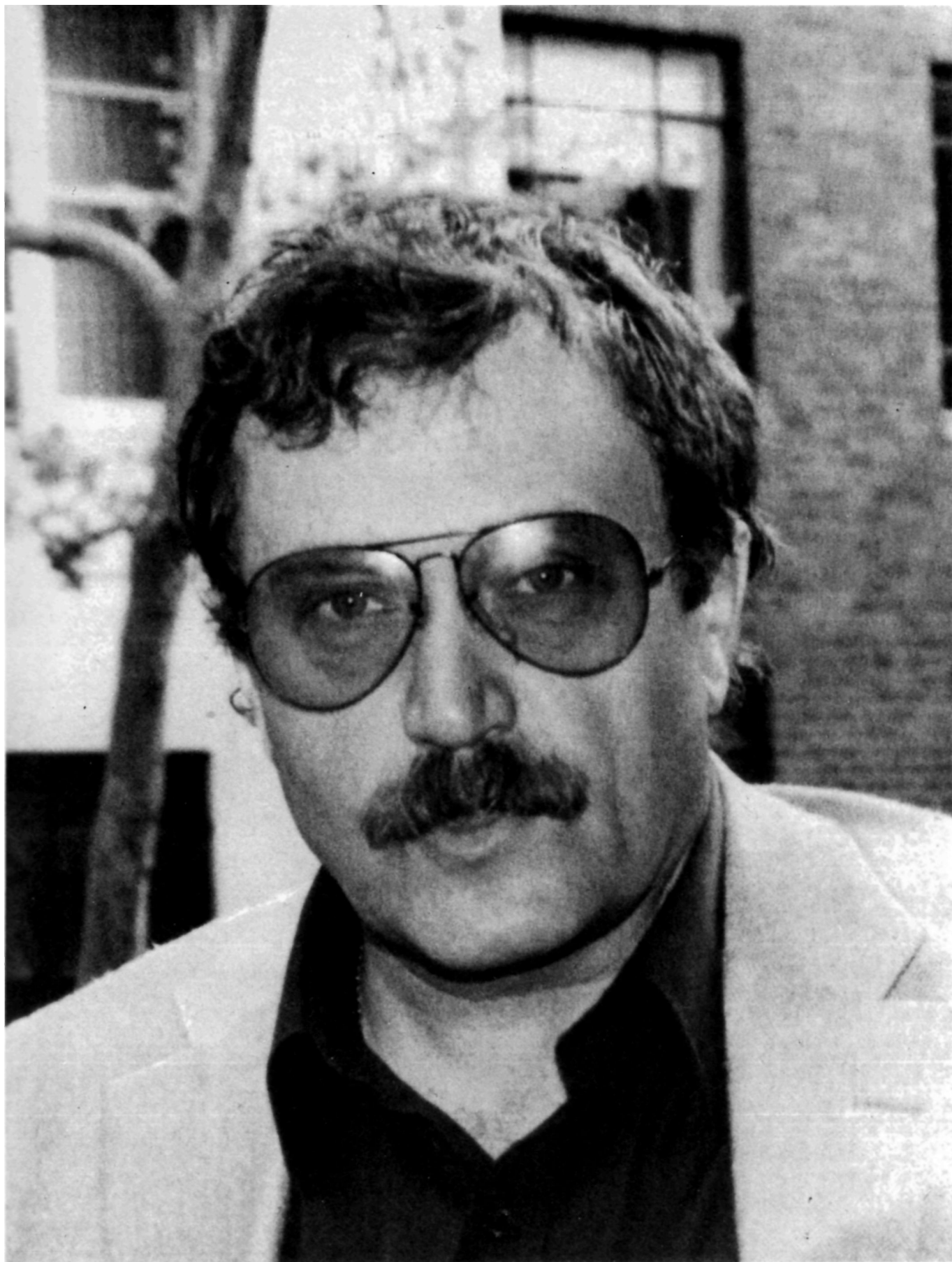
Василий АКСЕНОВ

Аксенов ехал по Нью-Йорку в такси.
С ним был литературный агент. Американец
задает разные вопросы. В частности:

— Отчего большинство русских
писателей-эмигрантов живет в
Нью-Йорке?

Как раз в этот момент чуть не
произошла авария. Шофер кричит в сердцах
по-русски: «Мать твою!..»

Василий говорит агенту: «Понял?»

Юз АЛЕШКОВСКИЙ и Владимир ВОЙНОВИЧ

В присутствии Алешковского какой-то старый большевик рассказывал:

— Шла гражданская война на Украине. Отбросили мы белых к Днепру. Распрягли коней. Решили отдохнуть. Сижу я у костра с ординарцем Васей. Говорю ему:

«Эх, Вася! Вот разобьем беляков, построим социализм — хорошая жизнь лет через двадцать наступит! Дожить бы!..»

Алешковский за него закончил:

— И наступил через двадцать лет — тридцать восьмой год!

Войнович рассказывал: «Шесть лет я живу в Германии. Языка практически не знаю. Ассимилироваться в мои годы трудно. Да и ни к чему. И все-таки постепенно осваиваюсь. Кое-что начинаю соображать. И даже с немецким языком проблем все меньше... Однажды шел я через улицу. Размечтался и чуть не угодил под машину. Водитель опустил стекло и заорал: «Du bist ein Idiot». И я, — закончил Войнович, — неожиданно понял, что этот тип хотел сказать...»

Владимир АШКЕНАЗИ

Говорят, Хрущев был умным человеком. Но пианист Владимир Ашкенази был еще умнее.

Многие считают Владимира Ашкенази невозвращенцем. Это не соответствует действительности. Ашкенази выехал на Запад совершенно легально. Вот как это случилось. (Если верить мемуарам Хрущева, кстати, довольно правдивым.)

Ашкенази был, что называется, выездным. Женился на исландке. Продолжал гастролировать за рубежом. И каждый раз возвращался обратно. Даже каждый раз покупал заранее обратный билет.

Как-то раз они с женой были в Лондоне. Ашкенази обратился в советское посольство. Сказал, что жена больше не хочет ехать в Москву. Спросил, как ему быть.

Посол доложил все это министру Громыко. Громыко сообщил Хрущеву. Хрущев, как явствует из его мемуаров, сказал:

— Допустим, мы прикажем ему вернуться. Разумеется, он не вернется. И к тому же станет антисоветским человеком.

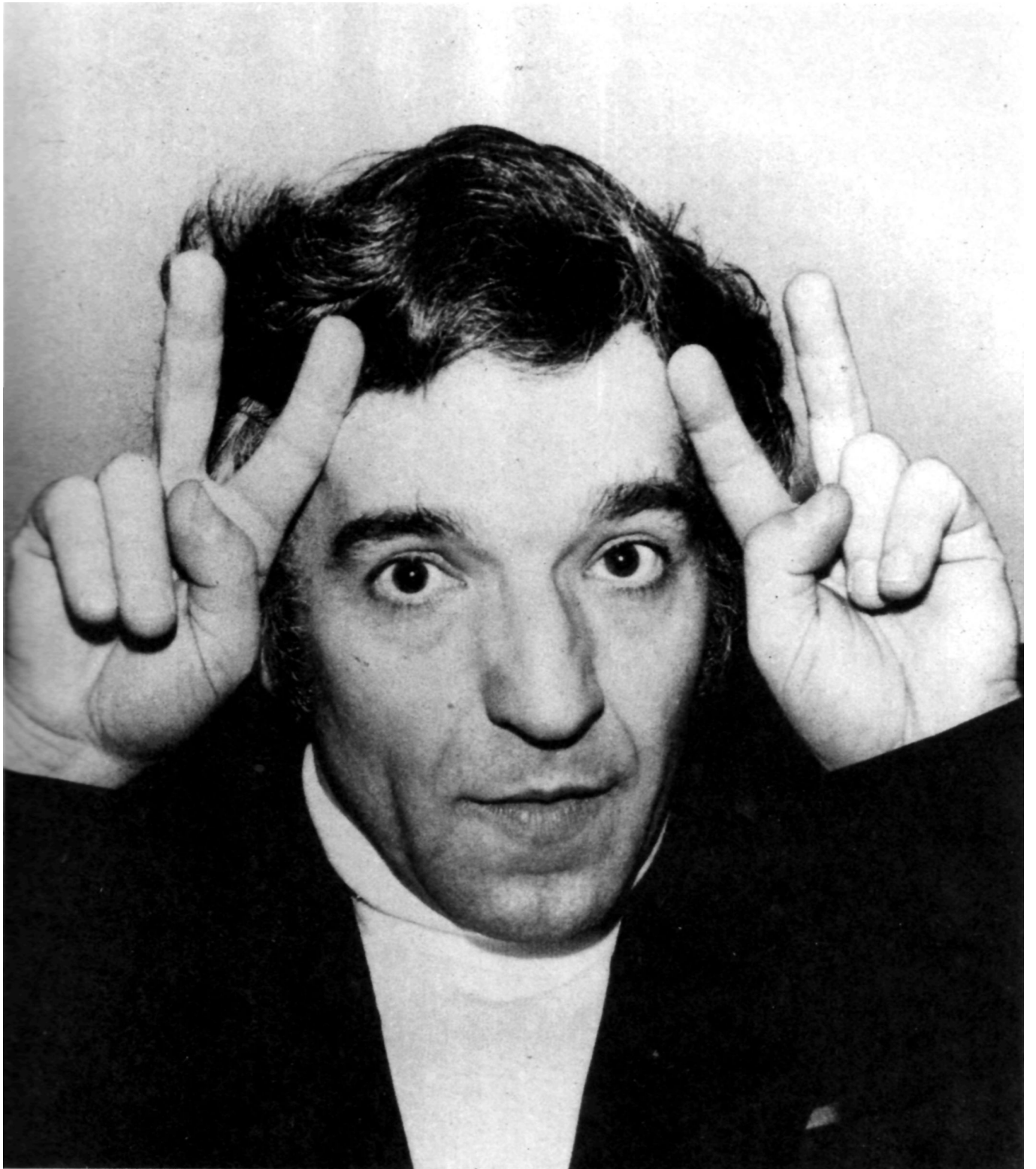
Хрущев так и выразился дословно: «Зачем нам плодить антисоветского человека?»

И продолжал:

— Дадим ему заграничный паспорт. Пусть останется советским человеком. Пусть ездит куда ему вздумается. А когда захочет, пусть возвращается домой.

Домой Ашкенази так и не вернулся. Но своих родных от притеснений уберег. Все закончилось мирно и пристойно...

Не зря говорят, что Хрущев был умным человеком.

Вагрич БАХЧАНЯН и Эдуард ЛИМОНОВ

Как-то раз я спросил Бахчаняна:

- Ты армянин?
- Армянин.
- На сто процентов?
- Даже на сто пятьдесят.
- Как это?
- Даже мачеха у нас была армянка...

Это случилось на одной литературной конференции. В ней участвовали среди прочих Лимонов и Коржавин. В конце состоялись прения. Каждому выступающему полагалось семь минут. Наступила очередь Коржавина. Семь минут он ругал Лимонова за аморализм. Наконец председатель сказал:

- Время истекло.
 - Я еще не кончил.
 - Но время истекло...
- Вмешался Лимонов:
- Мне тоже полагается время?
 - Семь минут.
 - Могу я предоставить их Науму

Коржавину?

- Это ваше право.

И Коржавин еще семь минут проклинал Лимонова за аморализм. Причем теперь уже за его счет.

Джордж БАЛАНЧИН и Соломон ВОЛКОВ

Баланчин жил и умер в Америке. Брат его, Андрей, оставался на родине, в Грузии. И вот Баланчин состарился. Надо было подумать о завещании. Однако Баланчину не хотелось писать завещание. Он твердил:

— Я грузин. Буду жить до ста лет!..

Знакомый юрист объяснил ему:

— Тогда ваши права достанутся брату. То есть ваши балеты присвоит советское государство.

— Я завещаю их моим любимым женщинам в Америке.

— А брату?

— Брату ничего.

— Это будет выглядеть странно.

Советы начнут оспаривать подлинность завещания.

Кончилось тем, что Баланчин это завещание написал. Оставил брату двое золотых часов. А права на свои балеты завещал восемнадцати любимым женщинам.

Волков начинал как скрипач. Даже возглавлял струнный квартет. Как-то обратился в Союз писателей:

— Мы хотели бы выступить перед Ахматовой. Как это сделать?

Чиновники удивились:

— Почему же именно Ахматова?

Есть и более уважаемые писатели — Мирошниченко, Саянов, Кетлинская...

Волков решил действовать самостоятельно. Поехал с товарищами к Ахматовой на дачу. Исполнил новый квартет Шостаковича.

Ахматова выслушала и сказала:

— Я боялась только, что это когда-нибудь закончится...

Прошло несколько месяцев.

Ахматова выехала на Запад.

Получила в Англии докторат. Встречалась с местной интеллигенцией.

Англичане задавали ей разные вопросы — литература, живопись, музыка.

Ахматова сказала:

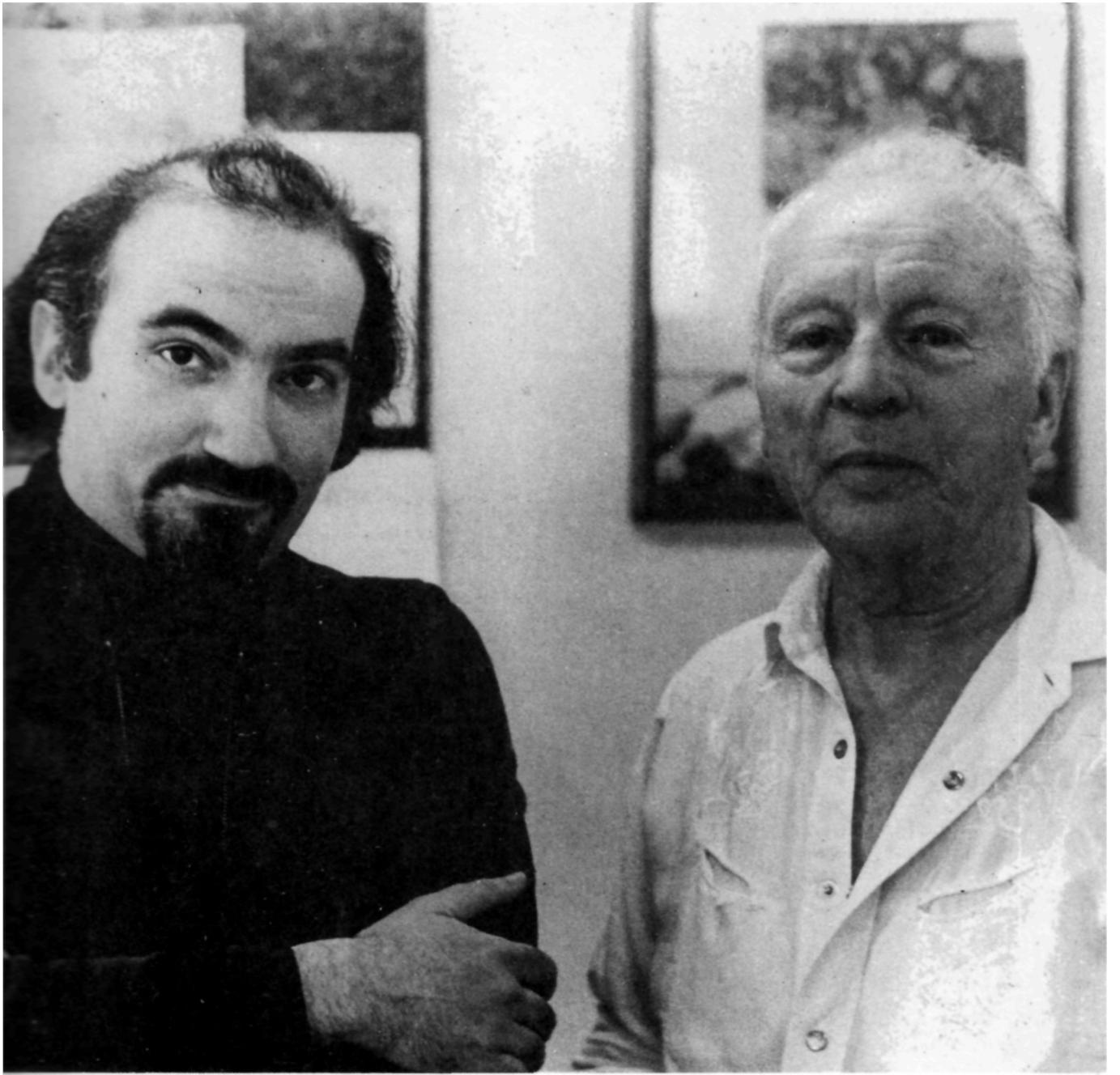
— Недавно я слушала потрясающий опус Шостаковича. Ко мне на дачу специально приезжал инструментальный ансамбль.

Англичане поразились:

— Неужели в СССР так уважают писателей?

Ахматова подумала и говорит:

— В общем, да...

Михаил БАРЫШНИКОВ

В Анн-Арборе состоялся форум русской культуры. Организовал его незадолго до смерти издатель Карл Проффер. Ему удалось залучить на этот форум Михаила Барышникова.

Русскую культуру вместе с Барышниковым представляли шесть человек. Бродский — поэзию. Соколов и Алешковский — прозу. Мирецкий — живопись. Я, как это ни обидно, — журналистику.

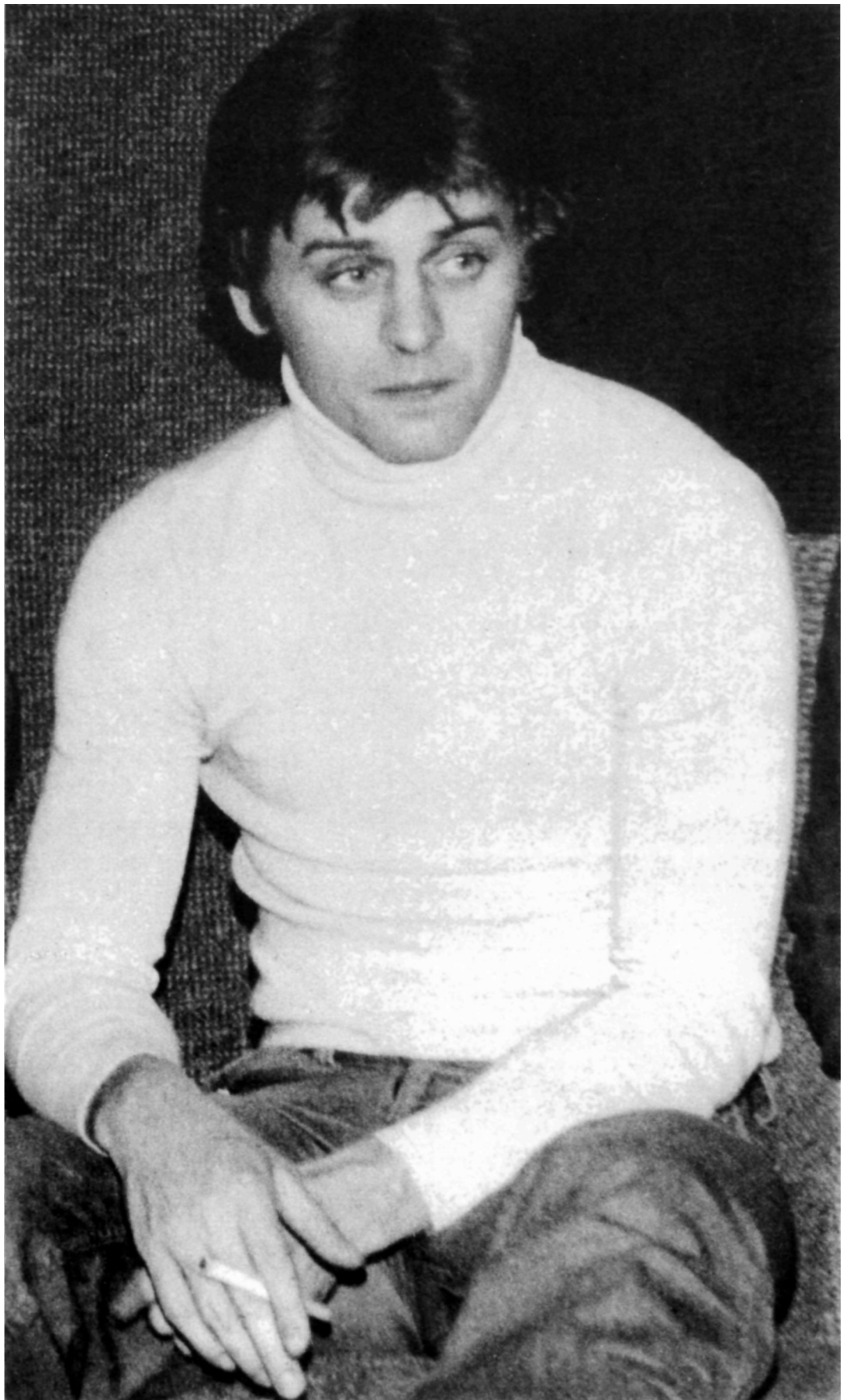
Зал на две тысячи человек был переполнен. Зрители разглядывали Барышникова. Каждое его слово вызывало гром аплодисментов. Остальные помалкивали. Даже Бродский оказался в тени.

Вдруг я услышал, как Алешковский прошептал Соколову:

— До чего же вырос, старик, интерес к русской прозе на Западе!

Соколов удовлетворенно кивал:

— Действительно, старик. Действительно...

Андрей БИТОВ

В молодости Битов держался агрессивно. Особенно в нетрезвом состоянии. И как-то раз он ударил поэта Вознесенского.

Это был уже не первый случай такого рода. И Битова привлекли к товарищескому суду. Плохи были его дела.

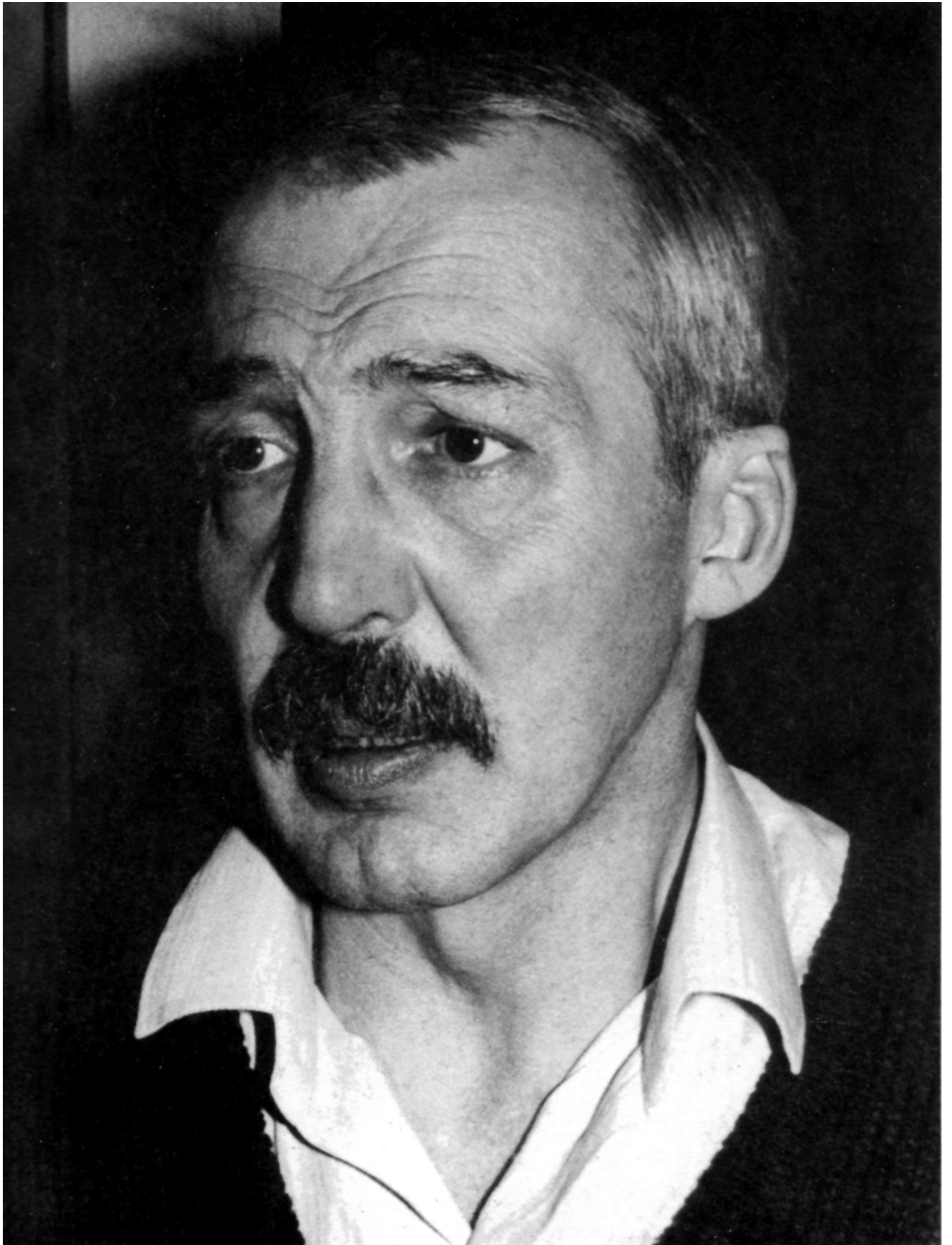
И тогда Битов произнес речь. Он сказал:

— Выслушайте меня и примите объективное решение. Только сначала выслушайте, как было дело.

Я расскажу вам, как это случилось, и тогда вы поймете меня. А следовательно — простите. Ибо я не виноват. И сейчас это всем будет ясно. Главное, выслушайте, как было дело.

— Ну и как было дело? — поинтересовались судьи.

— Дело было так. Захожу я в «Континенталь». Стоит Андрей Вознесенский. А теперь ответьте, — воскликнул Битов, — мог ли я не дать ему по физиономии?!..

Лиля БРИК

Самоубийство Маяковского остается для нас трагической загадкой. Многие обвиняют в его гибели Лилю Брик. Она была, что называется, гипотенузой любовного треугольника. Она наводнила дом сотрудниками ЧК. И так далее.

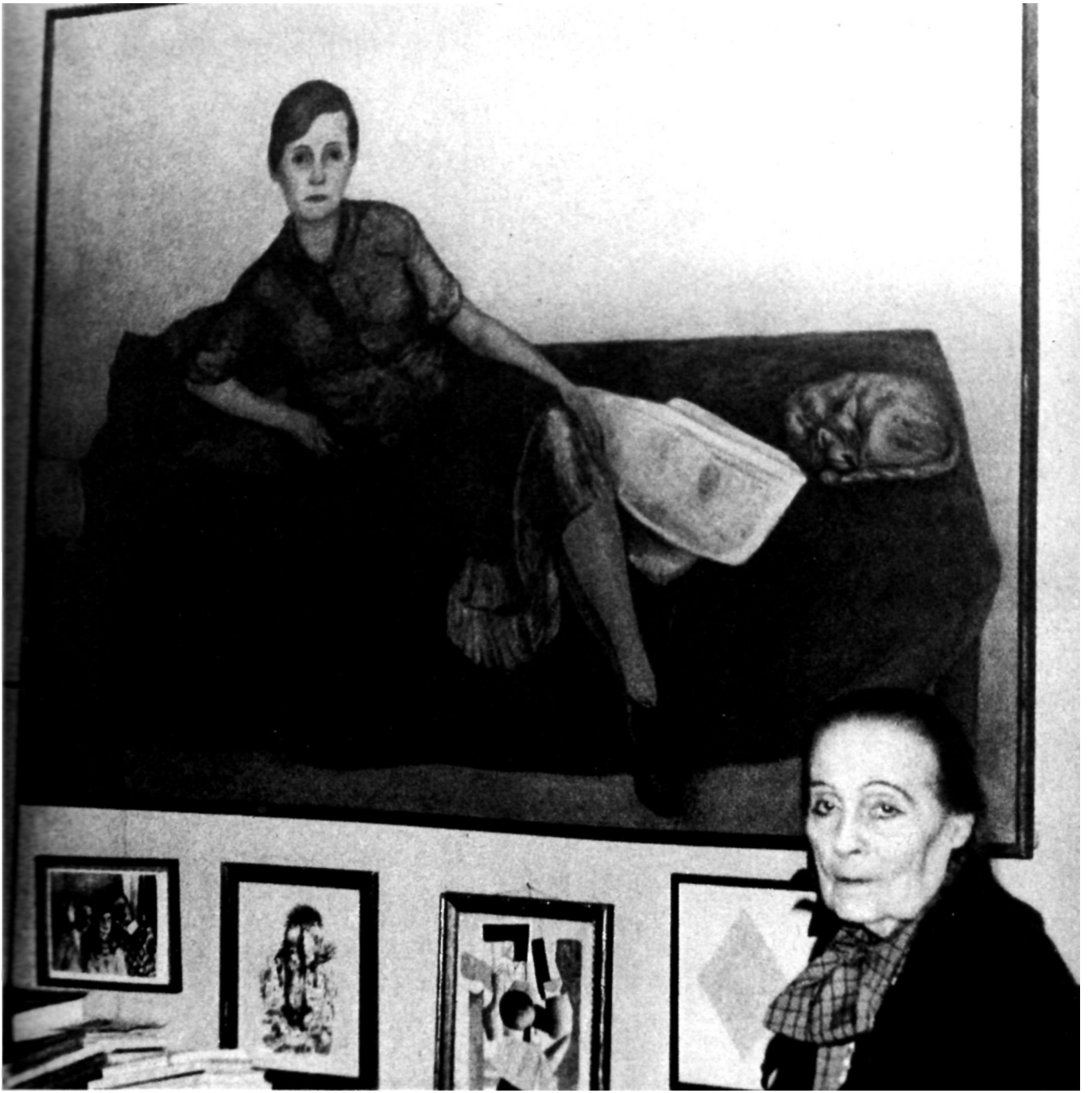
Сама Лиля Брик распространяла другую версию. По ее версии, у Маяковского было глубокое предрасположение к самоубийству. Что-то вроде маниакальной жажды смерти.

Более того, Маяковский и раньше делал попытку самоубийства. Но револьвер с единственным патроном в барабане дал осечку. Лиля Брик выпросила этот патрон у Маяковского. Патрон был чем-то вроде доказательства ее невиновности.

Все это отмечено, увы, печатью дурного тона. Вообще на фоне чьей-то смерти катастрофически проявляется любая безвкусица.

Недаром поэт Крученых говорил:

— Умереть бы, если хватит мужества,
со вкусом!

Иосиф БРОДСКИЙ

Бродский перенес тяжелую операцию на сердце. Я навесил его в госпитале. Должен сказать, что Бродский меня и в нормальной обстановке подавляет. А тут я совсем растерялся.

Лежит Иосиф — бледный, чуть живой. Кругом аппаратура, провода и циферблаты. И вот я произнес что-то совсем неуместное:

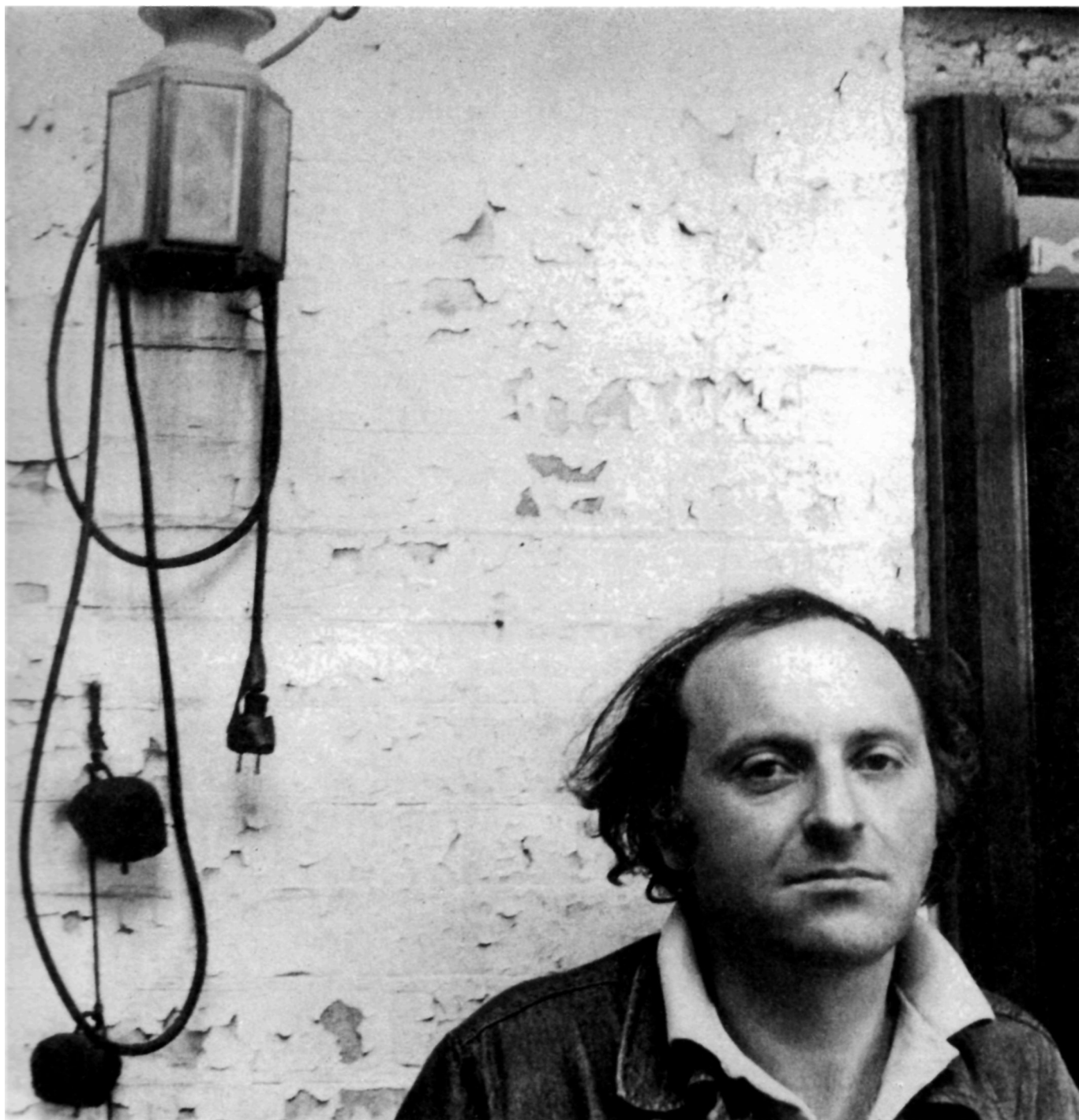
— Вы тут болеете, и зря. А Евтушенко между тем выступает против колхозов...

Действительно, что-то подобное имело место. Выступление Евтушенко на московском писательском съезде было довольно решительным. Вот я и сказал:

— Евтушенко выступил против колхозов...

Бродский еле слышно ответил:

— Если он против, я — за.

Александра ДАНИЛОВА

Молодая Данилова оказалась на Западе.
Подвизалась в мюзик-холлах. Тут ею
заинтересовался Дягилев. Назначил что-то
вроде просмотра.

Данилова сказала:

— Я была хороша для Мариинского
театра. Так уж и вам как-нибудь подойду...

Дягилев кивнул:

— Она права...

И отменил просмотр. А через год Данилова
стала звездой его труппы.

Александр ГОДУНОВ

Еще будучи юношей, Годунов
отрастил длинные волосы. Всю жизнь
его заставляли постричься. В школе.
В Большом театре. Перед гастролями.

Годунов ссылался на Маркса, Энгельса,
Чернышевского.

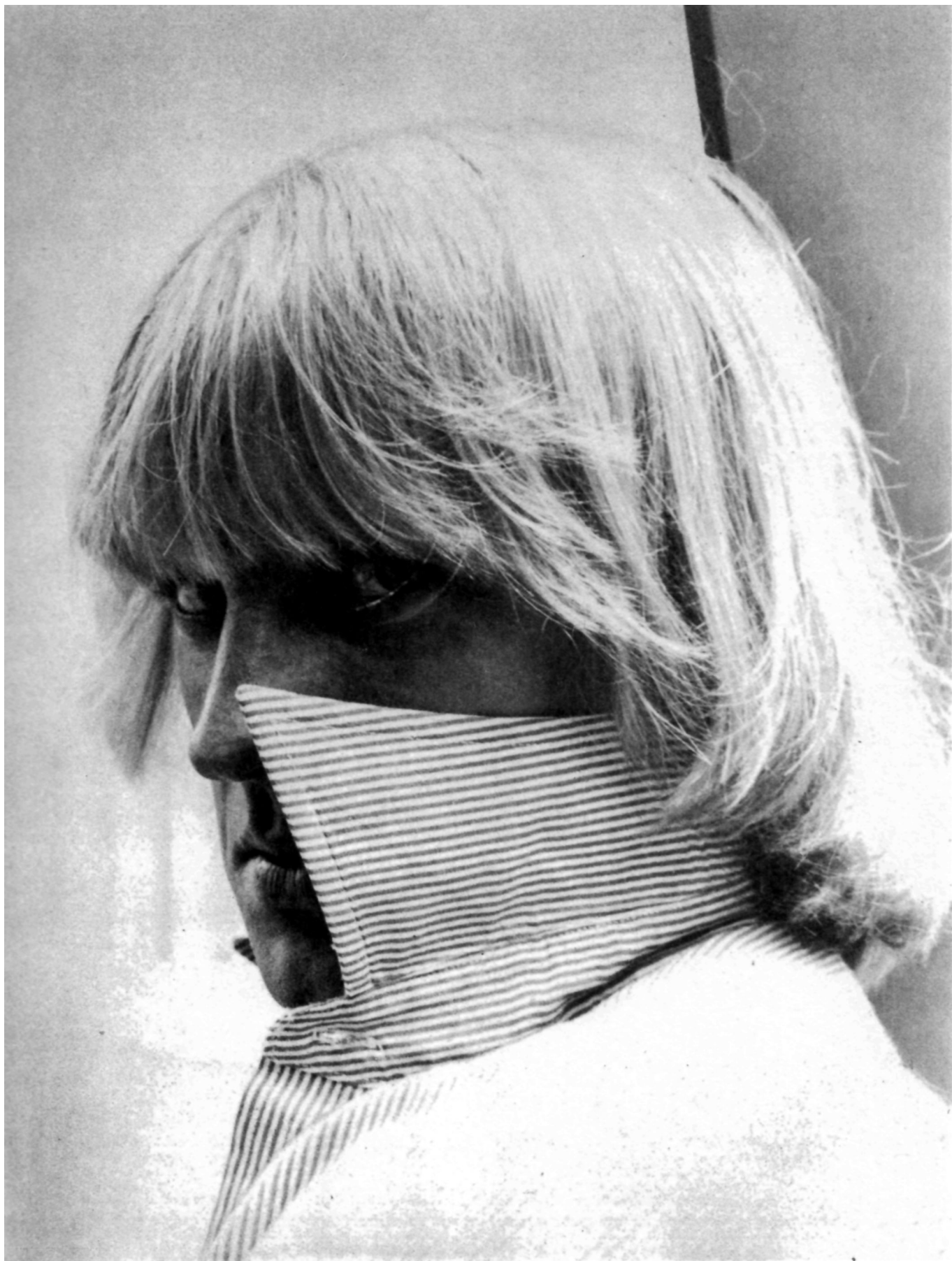
Чиновники восклицали:

— Вот именно! Но это же было
давно. Это уже не модно.

И они горделиво поглаживали свои
блестящие лысины.

Потом Годунов бежал на Запад.

И здесь его кудри всем понравились.
Даже лысеющий Бродский их с
удовлетворением отметил.

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ и Анатолий НАЙМАН

20 августа 68-го года советские войска оккупировали Чехо-Словакию.

25 августа в Москве состоялась знаменитая демонстрация протеста.

Среди других в ней участвовала Горбаневская. Вышла на Красную площадь с грудным ребенком.

Все участники демонстрации были арестованы. Горбаневскую пощадили из-за детей. Привлекли ее в качестве свидетельницы.

Как-то вызвали ее на допрос. Кто-то поинтересовался, указывая на ее годовалого сына:

— Это тоже свидетель?

— Н е т , — ответила Горбаневская, — подозреваемый...

Найман был не только замечательным поэтом. Он был самым язвительным человеком в Ленинграде. Он говорил колкости даже Ахматовой.

Как-то раз я представил Найману одного моего знакомого из Центрального ЛИТО. Найман спросил его:

— Вы поэт?

Мой приятель с достоинством кивнул.

Найман предложил:

— Прочтите строчки три...

Владимир ГОРОВИЦ

Соломон Волков написал книгу «Чайковский по Баланчину». Книга вышла по-английски, имела успех. В ней приводились любопытные сведения о Чайковском.

Исключительная тяга к музыке обнаружилась у Пети Чайковского в раннем детстве. Он готов был просиживать за роялем круглые сутки. Родители не хотели, чтобы он переутомлялся. Запрещали ему играть слишком много.

Тогда он начинал барабанить по стеклу. Однажды так увлекся, что стекло разбилось. Мальчик поранил руку...

Волков преподнес экземпляр своей книги знаменитому Горовицу. Был совершенно уверен, что маэстро ее не прочтет. Поскольку Горовиц, как многие великие художники, был занят исключительно собой.

И вот однажды с Горовицем беседовали журналисты. И Горовиц сказал:

«В детстве я готов был просиживать у рояля круглые сутки. Родители не хотели, чтобы я переутомлялся. Запрещали мне играть слишком много. Тогда я начинал барабанить по стеклу. Однажды так увлекся, что стекло разбилось. И я поранил руку...»

Волков, рассказывая эту историю, почти ликовал:

— Значит, он все-таки прочитал мою книгу!

Роман ЯКОБСОН

Роман Якобсон был косой.
Прикрывая рукой левый глаз, он
кричал знакомым:

— В правый смотрите! Про левый
забудьте! Правый у меня главный! А левый —
это так, дань формализму...

Хорошо валять дурака, основав
предварительно целую филологическую
школу!..

Якобсон был веселым человеком.
Однако не слишком добрым. Об этом
говорит история с Набоковым.

Набоков добивался профессорского
места в Гарварде. Все члены ученого
совета были — за. Один Якобсон был —
против. Но он был председателем совета.
Его слово было решающим.

Наконец коллеги сказали:

— Мы должны пригласить Набокова.
Ведь он большой писатель.

— Ну и что? — удивился Якобсон. —
Слон тоже большое животное. Мы же
не предлагаем ему возглавить
кафедру зоологии!

Арам ХАЧАТУРЯН

Хачатурян приехал на Кубу. Встретился с Хемингуэем. Надо было как-то объясняться. Хачатурян что-то сказал по-английски. Хемингуэй спросил:

— Вы говорите по-английски?

Хачатурян ответил:

— Немного.

— Как и все мы, — сказал Хемингуэй.

Через некоторое время жена Хемингуэя спросила:

— Как вам далось английское произношение?

Хачатурян ответил:

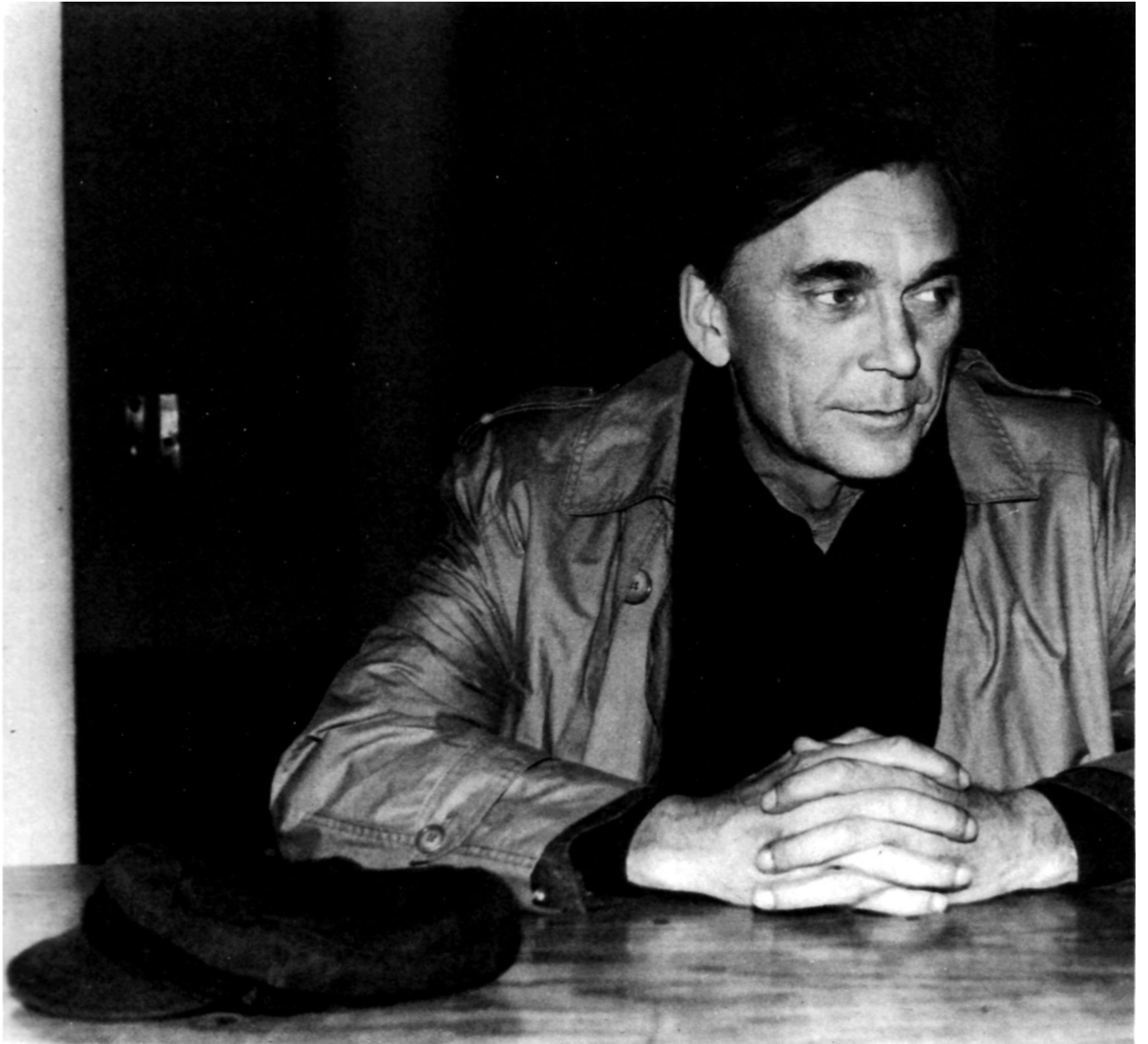
— У меня приличный слух...

Элем КЛИМОВ

У Климова был номенклатурный папа. Член ЦК. О Климове говорили:

— Хорошо быть левым, когда есть поддержка справа...

Виталий КОМАР и Александр МЕЛАМИД

Комар и Меламид придумали соцарт.
Издеваются над покойными вождями
социализма. Я бы на их месте вел себя
поосторожнее. Недаром Бахчанян уверяет:

— Если воскреснет Сталин,
первыми будут ликвидированы
госбезопасностью Комар и Меламид!

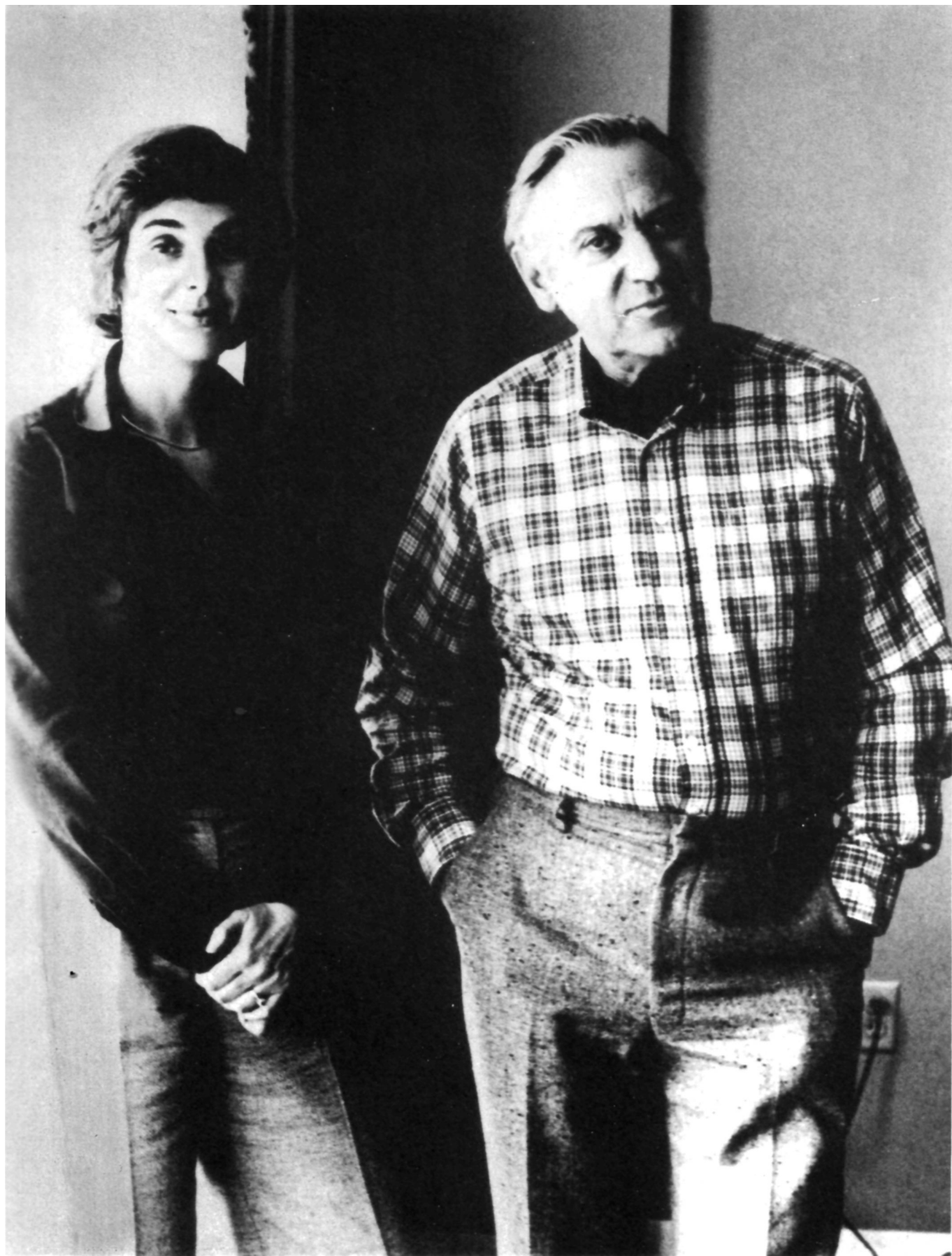

Кирилл и Нолда КОНДРАШИНЫ

Кондрашин полюбил молодую голландку. Остался на Западе. Пережил как музыкант второе рождение. Пользовался большим успехом. Был по-человечески счастлив. Умер в 1981 году от разрыва сердца. Похоронен недалеко от Амстердама.

Его бывшая жена говорила знакомым в Москве:

— Будь он поумнее, все могло бы кончиться иначе. Лежал бы на Новодевичьем. Все бы ему завидовали.

Наум КОРЖАВИН

Накануне одной литературной конференции меня предупредили:

— Главное, не обижайте

Коржавина.

— Почему я должен его обижать?

— Потому что Коржавин сам вас обидит. А вы, не дай Бог, разгорячитесь и обидите его. Не делайте этого.

— Почему же Коржавин меня обидит?

— Потому что Коржавин всех обижает. Вы не исключение. Поэтому не реагируйте. Коржавин страшно ранимый.

— Я тоже ранимый.

— Коржавин — особенно.

Не обижайте его...

Началась конференция. Выступление Коржавина продолжалось четыре минуты. Первой же фразой Коржавин обидел всех американских славистов. Он сказал:

— Я пишу не для славистов.

Я пишу для нормальных людей...

Затем Коржавин обидел целый город Ленинград, сказав:

— Бродский — талантливый поэт, хоть и ленинградец...

Затем он произнес несколько колкостей в адрес Цветкова, Лимонова и Синявского. Ну и меня, конечно, задел. Не хочется вспоминать, как именно. В общем, получалось, что я рвач и деляга.

Хорошо, Войнович заступился. Войнович сказал:

— Пусть Эмка извинится. Только пусть извинится как следует. А то я знаю Эму. Эма извиняется так:

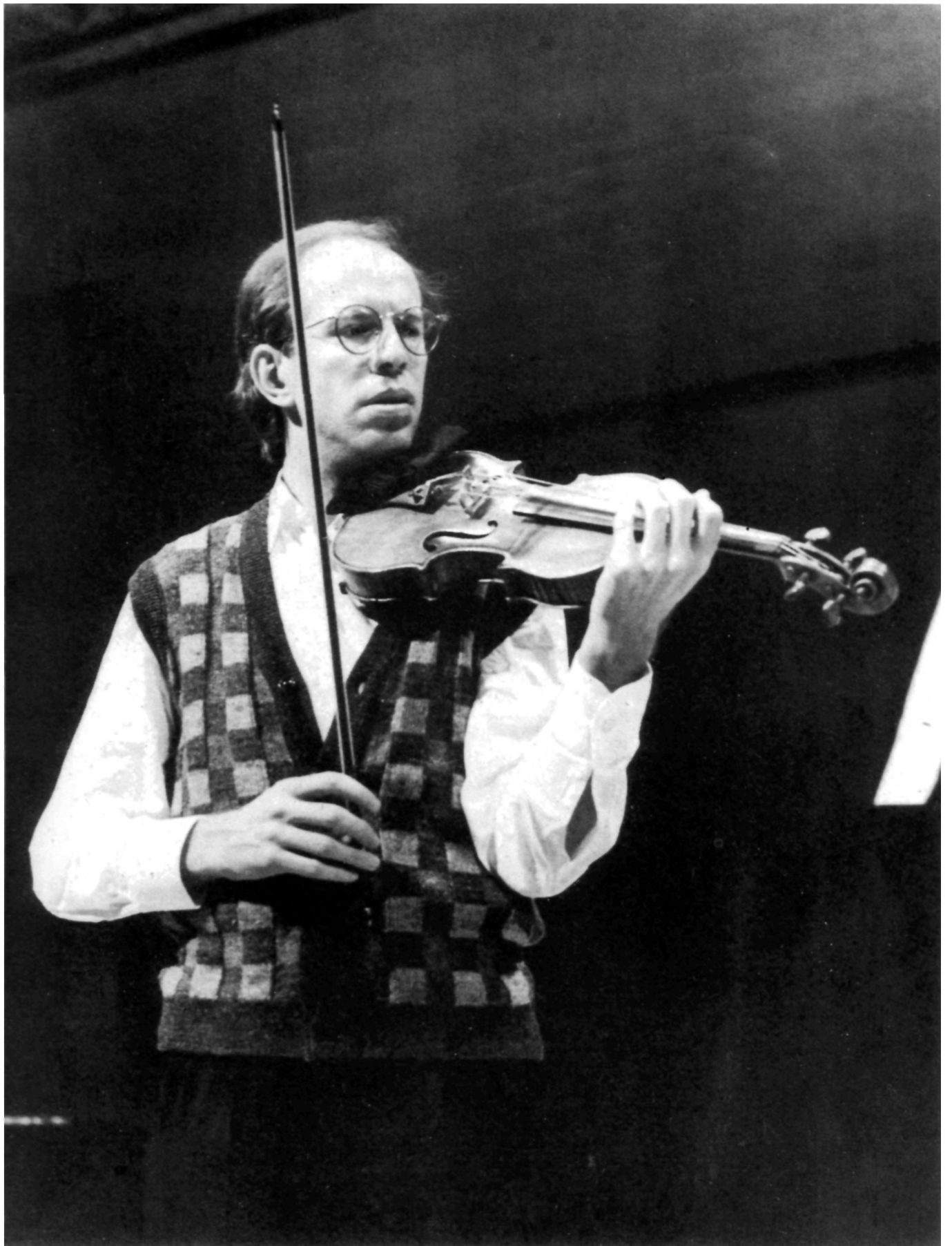
«Извините, конечно, но вы — дерьмо».

Гидон КРЕМЕР

Кремер — человек эксцентричный.
Любит действовать наперекор традициям.
Часто исполняет авангардные произведения,
не очень-то доступные рядовым ценителям.
Что приводит в ужас его
импресарио.

Если импресарио нервничает,
проданы ли билеты, Кремер говорит:
— А чего беспокоиться? В пустом
зале — резонанс лучше!

Василий КУХАРСКИЙ

У дирижера Кондрашина возникали порой трения с государством. Как-то раз не выпускали его за границу. Мотивировали это тем, что у Кондрашина больное сердце. Кондрашин настаивал, ходил по инстанциям. Обратился к заместителю министра.

Кухарский говорит:

— У вас больное сердце.

— Ничего, — отвечает Кондрашин, — там хорошие врачи.

— А если все же что-нибудь произойдет? Знаете, во сколько это обойдется?

— Что обойдется?

— Транспортировка.

— Транспортировка чего?

— Вашего трупа...

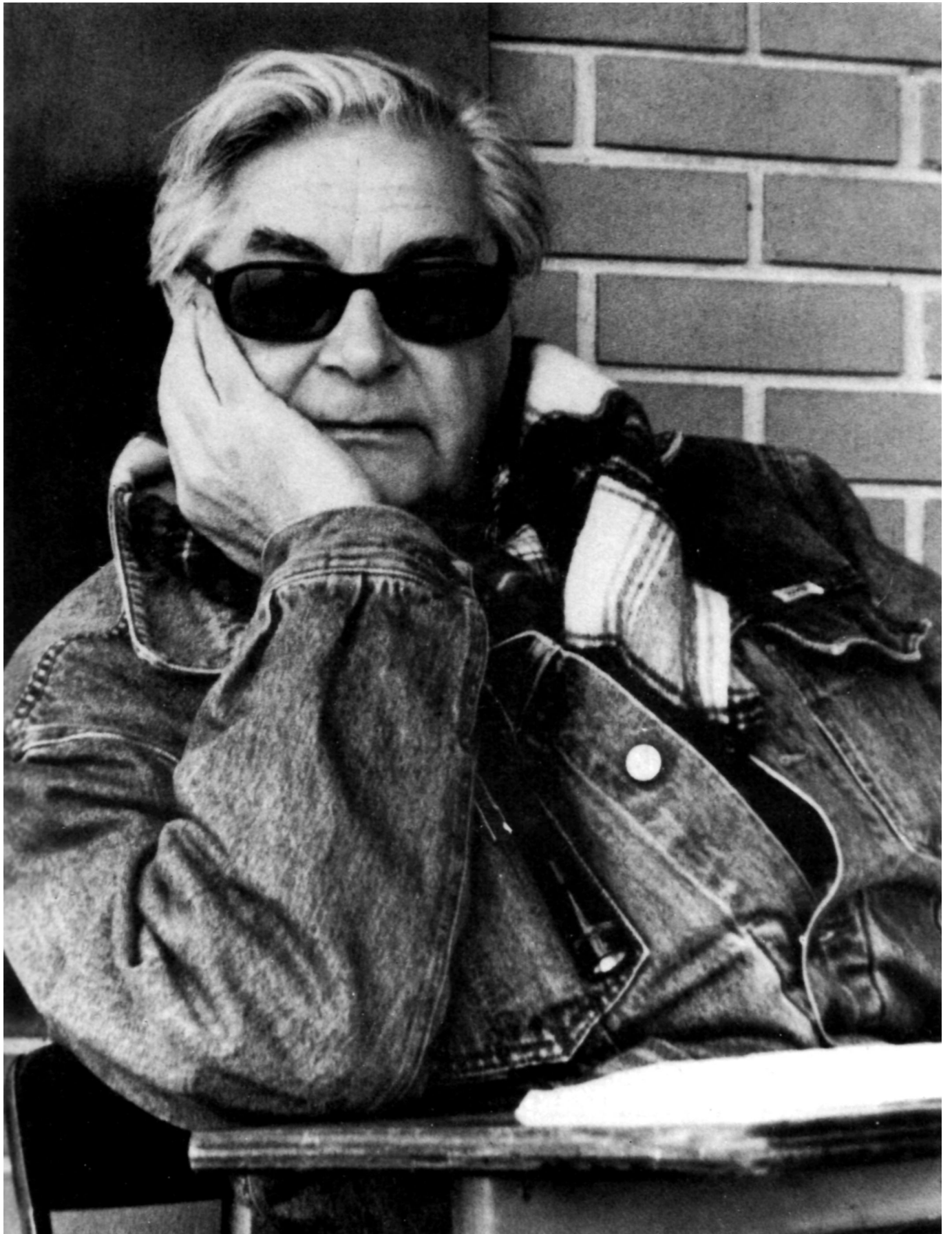
Юрий ЛЮБИМОВ

Шли съемки фильма «Кубанские казаки». Молодой Любимов исполнял там небольшую роль. Была инсценирована пышная колхозная ярмарка. Фрукты, овощи, воздушные шары. Короче, всяческое изобилие.

Подошла какая-то местная бабка и спрашивает Любимова:

— А скажи, родимый, из какой это жизни вы представляете?..

В этот момент, как уверяет Любимов, зародились его идейные сомнения.

Натан МИЛЬШТЕЙН

Мильштейн и Горовиц прославились еще в двадцатые годы. Луначарский написал о юных музыкантах статью:

«Дети советской революции».

Правда, Мильштейн на этот счет говорил:

— Мы были детьми несколько иного происхождения...

Однако статья произвела впечатление.

Мильштейн и Горовиц с успехом разъезжали по стране. Купили себе шубы. Каждый день ели пирожные. О зарубежных гастролях и не помышляли.

Вдруг им передали бумагу от заместителя Троцкого. Там было сказано, что Реввоенсовет не возражает против их зарубежных гастролей. С целью «артистического усовершенствования и культурной пропаганды».

Мильштейн и Горовиц оказались в Европе. Жили в Париже. Часто бывали у советского полпреда Христиана Раковского.

Наконец собрались ехать домой. Пришли к Раковскому. Раковский сказал:

— Не делайте глупостей... Играйте, пока есть возможность...

«Дети революции» подумали и остались на Западе.

А полпреда впоследствии отозвали на родину. Чтобы в дальнейшем расстрелять как троцкиста...

Мильштейн вспоминает Раковского с благодарностью. Да и о Троцком говорит не без симпатии.

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ

У Неизвестного сидели гости. Эрнст говорил о своей роли в искусстве. В частности, он сказал:

— Горизонталь — это жизнь.
Вертикаль — это Бог. В точке пересечения — я, Шекспир и Леонардо!..

Все немного обалдели. И только коллекционер Нортон Додж вполголоса заметил:

— Похоже, что так оно и есть...

Раньше других все это понял Юрий Любимов. Известно, что на стенах любимовского кабинета расписывались по традиции московские знаменитости. Любимов сказал Неизвестному:

— Распишись и ты. А еще лучше — изобрази что-нибудь. Только на двери.

— Почему же на двери?

— Да потому, что театр могут закрыть. Стены могут разрушить. А дверь я всегда на себе унесу...

Виктор НЕКРАСОВ

Отмечалась годовщина массовых расстрелов у Бабьего Яра. Шел неофициальный митинг. Среди участников был Виктор Платонович Некрасов. Он вышел к микрофону, начал говорить.

Раздался выкрик из толпы:

— Здесь похоронены не только евреи!

— Да, верно, — ответил Некрасов, — верно. Здесь похоронены не только евреи. Но лишь евреи были убиты за то, что они — евреи...

Евгений НЕСТЕРЕНКО и Ираклий АНДРОНИКОВ

Известно, что вокалисты пользуются определенными льготами. В частности, им раньше присваивают звания. Вроде бы они раньше уходят на пенсию. И так далее.

Многим это кажется несправедливым. Что и выразил как-то Евгению Нестеренко один приятель-скрипач.

Нестеренко спросил его:

— Ты шубу летом носил?

— Н е т , — удивился приятель.

— А петъ на весу тебе случалось?

— Н е т , — еще больше удивился приятель.

— Так в о т , — отчеканил

Нестеренко, — проделай следующее.

Надень в июле шубу. Подвесь себя за шиворот. И потом спой что-нибудь.

Узнаешь, что такое оперное искусство...

У писательницы Ольги Форш была дача. Если не ошибаюсь, в Тярлеве, под Ленинградом.

Раз к ней в гости приехал Ираклий Андроников.

До глубокой ночи развлекал Ольгу Форш своими знаменитыми историями. Наутро соседка по даче жаловалась:

— У Ольги-то Дмитриевны полдюжины мужиков ночевало. Даром что старуха. А как разошлись — не заметила. Один-то вроде к электричке побежал. А остальные? Может, в окно сиганули под утро? Чтобы не было от людей срамотищи...

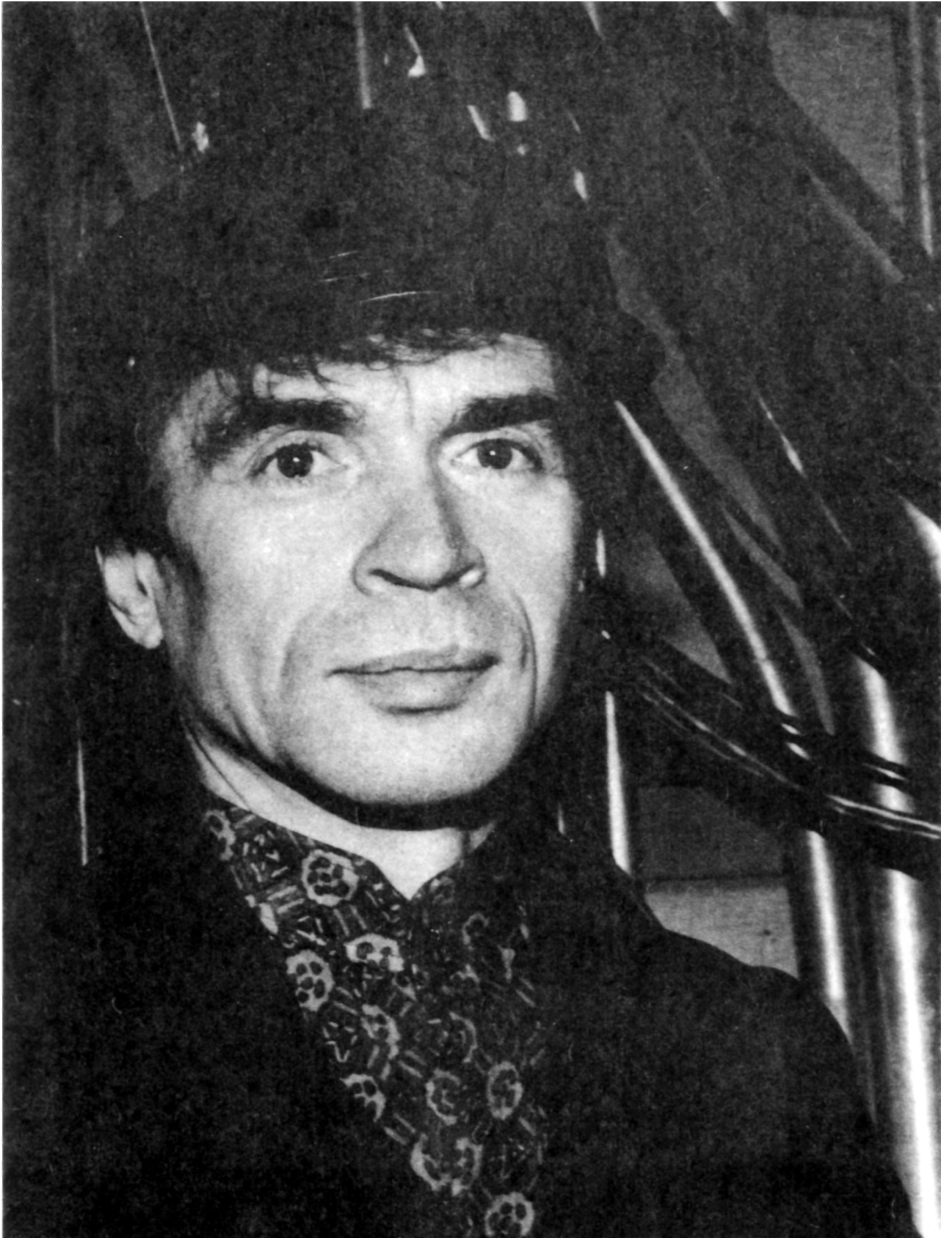
Рудольф НУРЕЕВ

Я чувствую себя в долгу перед Нуреевым. Хотя мы даже не знакомы. Дело вот какого рода.

У моего отца был враг по фамилии Коркин, номенклатурный администратор. Этот тип в разные годы заведовал несколькими культурными учреждениями. И всегда увольнял откуда-нибудь моего отца. Коркин уволил его из Пушкинского театра. Затем из филармонии. Затем из гастрольно-концертного объединения. И так далее.

А затем произошло следующее. Рудольф Нуреев был звездой Кировского театра. А Коркин был директором этого театра. Нуреев гастролировал в Париже и сбежал. А Коркина уволили за недостаток бдительности. И он в дальнейшем спился. А потом и умер. И правильно сделал, как говорила Ахматова о другом таком же мерзком человеке...

Так Рудольф Нуреев отомстил за моего отца.

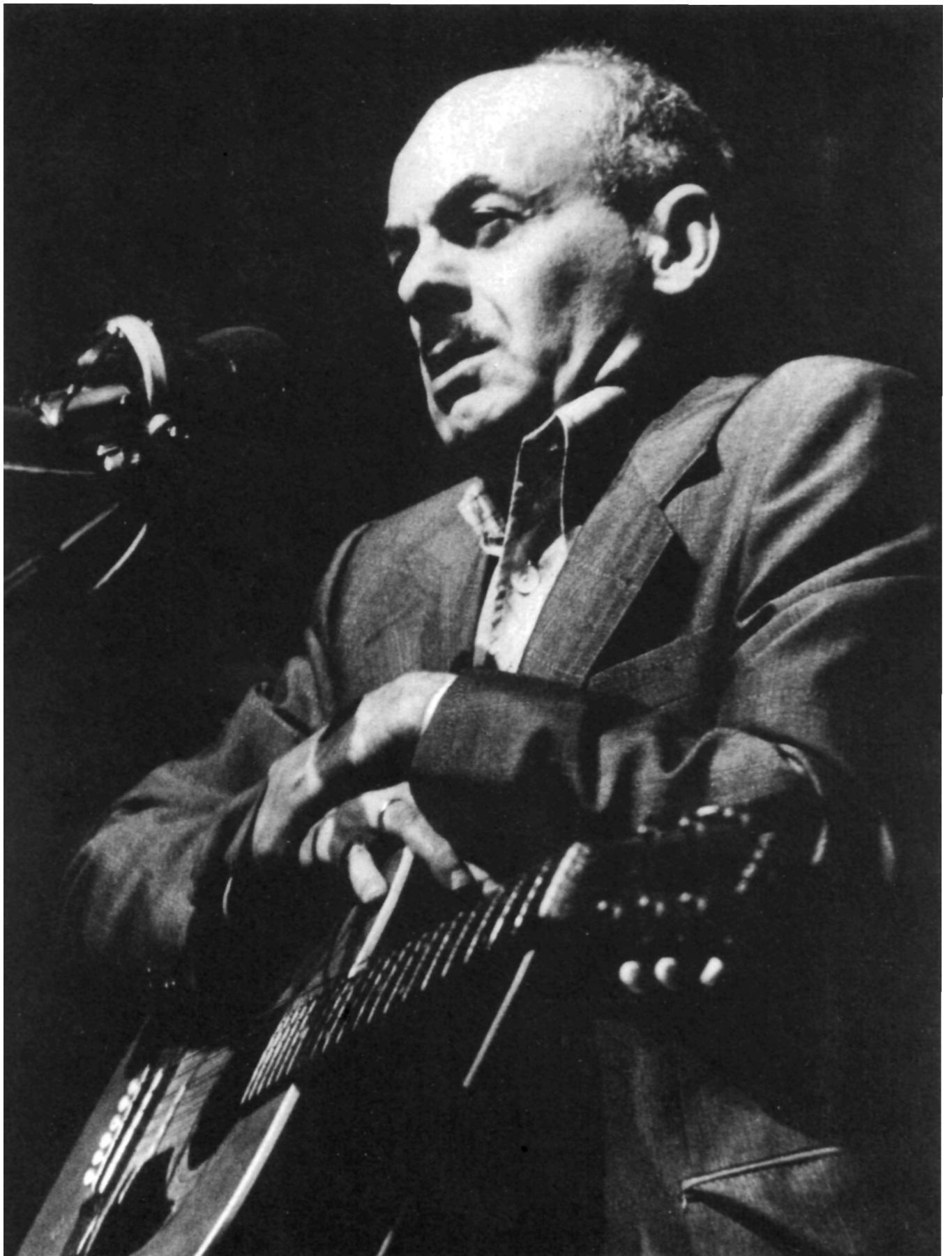
Булат ОКУДЖАВА

Это было в семидесятые годы. Булату Окуджаве исполнилось 50 лет. Он тогда пребывал в немилости. «Литературная газета» его не поздравила.

Я решил отправить незнакомому поэту телеграмму. Придумал нестандартный текст, а именно: «Будь здоров, школяр!» Так называлась одна его ранняя повесть.

Через год мне довелось познакомиться с Окуджавой. И я напомнил ему о телеграмме. Я был уверен, что ее нестандартная форма запомнилась поэту.

Выяснилось, что Окуджава получил в юбилейные дни более ста телеграмм. Восемьдесят пять из них гласили: «Будь здоров, школяр!»

Валерий ПАНОВ

Ленинградского хореографа Якобсона западные критики иногда называли провинциальным. Панов этим возмущался. Высказывался на этот счет примерно так.

Называть художника провинциальным — глупо. Художник подобен электрической батарее. Заряжается он действительно, в столице. Образование получает в столице. А потом ему необходимо уединение, сосредоточенность. Это только бездарные критики должны постоянно заряжать себя информацией. А люди, которым есть что сказать, одиноки...

Галина ПАНОВА

В эмигрантском журнале напечатано интервью с Галиной Пановой («Семь дней», 10 янв., 1984 г.).

Вот несколько фраз оттуда:

«...Успех — это так приятно!.. Валерий — замечательный муж!.. Кто в мире ставит балеты лучше, чем он?!.. Ну кто?! Кто?.. Мой успех не был для Валерия сюрпризом. Он знал, что я могу сделать все... У меня столько энергии! И техника великолепная!.. У меня одаренное тело, я быстро схватываю... У меня хорошая память, я и в школе отлично занималась... Техника у меня ошеломляющая!.. Я счастлива! Я в Америке! У меня появились новые горизонты...»

Помню, Михаила Барышникова в Детройте спросили:

— Как обстоят ваши творческие дела?

Барышников ответил:

— Танцую понемногу...

Рита РАЙТ-КОВАЛЕВА

Когда-то я был секретарем Веры Пановой.
Однажды Вера Федоровна спросила:

— У кого, по-вашему, самый лучший русский язык?

Наверное, я должен был ответить — у вас.
Но я сказал:

— У Риты Ковалевой.

— Что за Ковалева?

— Райт.

— Переводчица Фолкнера, что ли?

— Фолкнера, Сэлинджера,

Воннегута.

— Значит, Воннегут звучит по-русски лучше, чем Федин?

— Без всякого сомнения.

Панова задумалась и говорит:

— Как это страшно!..

Кстати, с Гором Видалом, если не ошибаюсь, произошла такая история.

Он был в Москве. Москвичи стали расспрашивать гостя о Воннегута.

Восхищались его романами.

Гор Видал заметил:

— Романы Курта страшно проигрывают в оригинале...

The Eden Express

By M...

in a Son's Insanity

DIRTY
OLD MEN
NEED LOVE
TOO

kafka/america

Святослав РИХТЕР

Министр культуры Фурцева беседовала с Рихтером. Стала жаловаться ему на Ростроповича:

— Почему у Ростроповича на даче живет этот кошмарный Солженицын?! Безобразие!

— Действительно, — поддакнул Рихтер, — безобразие! У них же тесно. Пускай Солженицын живет у меня...

Мстислав РОСТРОПОВИЧ

Ростропович собирался на гастроли в Швецию. Хотел, чтобы с ним поехала жена. Начальство возражало.

Ростропович начал ходить по инстанциям. На каком-то этапе ему посоветовали:

— Напишите докладную. «Ввиду неважного здоровья прошу, чтобы меня сопровождала жена». Что-то в этом духе.

Ростропович взял лист бумаги и написал: «Ввиду безукоризненного здоровья прошу, чтобы меня сопровождала жена».

И для убедительности прибавил — «Галина Вишневская».

Это подействовало даже на советских чиновников.

Геннадий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

В двадцатые годы Шостакович создал оперу «Нос». Ставить ее хотел Мейерхольд. Однако не успел. А в тридцатые годы было уже не до этого. Рукопись Шостаковича пылилась в кладовке. Большого театра.

В пятидесятые годы ее обнаружил Геннадий Рождественский. Решил завладеть ею, чтобы сохранить для потомков. Но, увы, бесценная рукопись числилась «единицей инвентарного хранения».

Рождественский пошел на хитрость. Заменял рукопись Шостаковича литографированным экземпляром «Фауста».

В 1974 году опера «Нос» была поставлена. Если не ошибаюсь, в Камерном театре. Дирижировал Рождественский. А дальше — триумф, грамзаписи, международные премии...

Прав был друг Шостаковича музыковед Иван Соллертинский. Еще в тридцатом году Соллертинский написал про многострадальную оперу эссе:

«Нос — орудие дальнобойное!»

Михаил ШЕМЯКИН

Шемякина я знал еще по Ленинграду.
Через десять лет мы повстречались
в Америке. Шемякин говорит:

— Какой же вы огромный!

Я ответил:

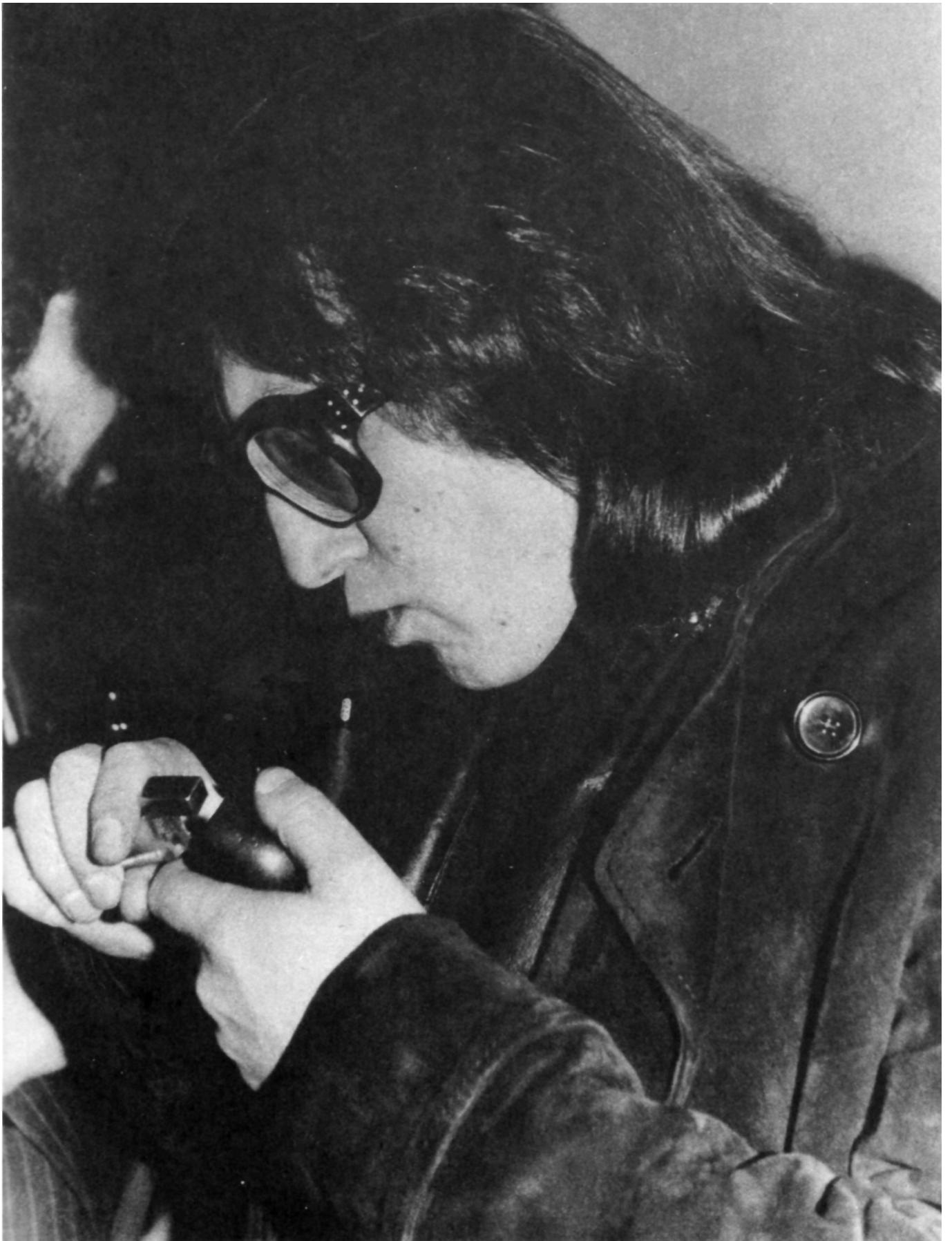
— Охотно меняю свой рост на ваши
заработки...

Прошло несколько дней. Шемякин
оказался в дружеской компании.

Рассказал о нашей встрече:

«...Я говорю — какой же вы огромный!
А Довлатов говорит — охотно меняю свой
рост на ваш... (Шемякин помедлил)...
талант!»

В общем, мало того, что Шемякин —
замечательный
художник. Он еще и талантливый
редактор...

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Как-то раз мне довелось беседовать со Шкловским. В ответ на мои идейные претензии Шкловский заметил:

— Да, я не говорю читателям всей правды. И не потому, что боюсь. Я старый человек. У меня было три инфаркта. Мне нечего бояться. Однако я действительно не говорю всей правды. Потому что это бессмысленно. Да, бессмысленно...

И затем он произнес дословно следующее:

— Бессмысленно внушать представление об аромате дыни человеку, который годами жевал сапожные шнурки...

Альфред ШНИТКЕ

Долгие годы считалось, что Альфреда Шнитке недооценивают отечественные музыкальные власти. Что, в общем-то, соответствовало действительности. Так, его не отпустили в Австрию читать курс современной музыки.

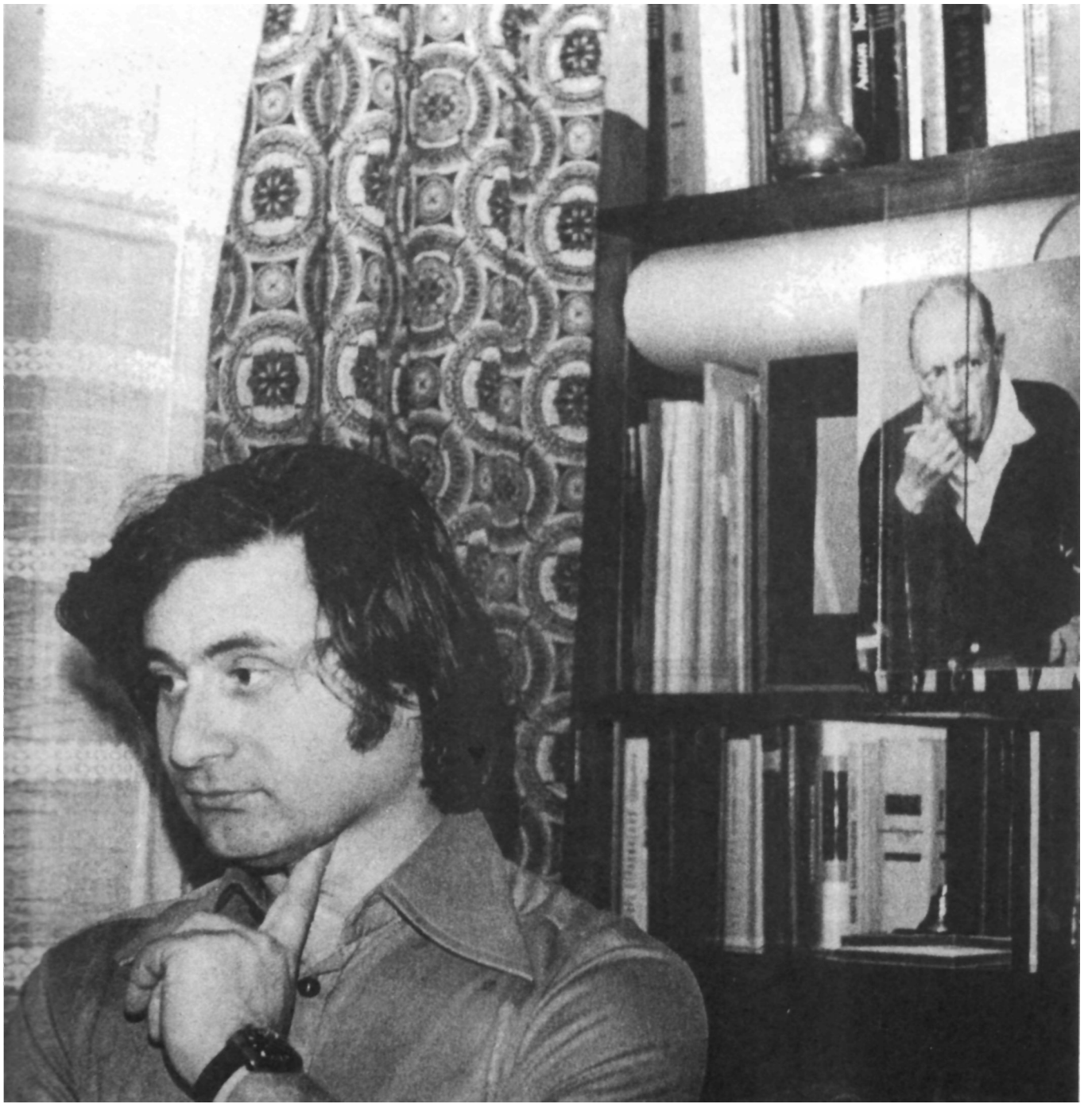
Затем произошла такая история. Гидон Кремер поехал на Запад. Точнее, в Германию. Играл там скрипичный концерт Бетховена. Причем с каденциями Альфреда Шнитке.

Что такое каденции, знают не все. Это виртуозные миниатюры, фантазии на темы концерта. Что-то вроде связок, которые дописываются интерпретаторами Бетховена.

По традиции их сочиняют в манере девятнадцатого столетия. У Шнитке же отношения с традициями напряженные. В результате, каденции его прозвучали несколько экстравагантно. Даже немецкие критики пришли от них в ужас. Чего же тогда ждать от советских критиков?!..

История не кончается. Воронежский симфонический оркестр должен был исполнять какое-то произведение Шнитке. Власти дали согласие. Но тут взбунтовались рядовые музыканты. Обратились в горком партии. Заявили, что это «сумбур вместо музыки». Низкопоклонство перед Западом. И так далее. В результате, исполнение музыки Шнитке было запрещено.

Короче говоря, существует, разумеется, такая проблема — «Художник и власть». Но есть и другая, более серьезная проблема — «Художник и толпа».

Максим ШОСТАКОВИЧ

Кошмар сталинизма даже не в том, что погибли миллионы. Кошмар сталинизма в том, что была развращена целая нация. Жены предавали мужей. Дети проклинали родителей. Сынишка репрессированного коминтерновца Пятницкого говорил:

— Мама! Купи мне ружье! Я застрелю врага народа — папку!..

Кто же открыто противостоял сталинизму? Увы, не Якир, Тухачевский, Егоров или Блюхер. Открыто противостоял сталинизму девятилетний Максим Шостакович.

Шел 48-й год. Было опубликовано знаменитое постановление ЦК. Шостаковича окончательно заклемили как формалиста.

Отметим, что народные массы при этом искренне ликовали. И как обычно, выражали свое ликование путем хулиганства. Попросту говоря, били стекла на даче Шостаковича.

И тогда девятилетний Максим Шостакович соорудил рогатку. Залез на дерево. И начал стрелять в марксистско-ленинскую эстетику.

Марья и Андрей СИНЯВСКИЕ

Марья Васильевна своеобразно реагирует на письма. Она их даже не распечатывает. Ей кажется, что это не порок, а интересная, даже метафизическая особенность характера. При этом Марья Васильевна занимается самой разнообразной деятельностью. В том числе и предпринимательской. Ведет идейную борьбу. Поддерживает отношения с большим количеством людей. Однако писем не распечатывает. Друзья указывают на конвертах:

«Деньги!»

Или:

«Чек!»

Или:

«Потрясающая сплетня о Максимове!»

Даже это не всегда помогает...

Синявский говорил:

— Хорошо, когда опаздываешь, немного замедлить шаг...

Владимир СОЛОУХИН

Слышал я такую фантастическую историю.

Было это еще при жизни Сталина.

В Москву приехал Арман Хаммер. Ему организовали торжественную встречу. Даже имело место что-то вроде почетного караула.

Хаммер прошел вдоль строя курсантов. Приблизился к одному из них, замедлил шаг. Перед ним стоял высокий и широкоплечий русский молодец.

Хаммер с минуту глядел на этого парня. Возможно, размышлял о загадочной славянской душе.

Все это было снято на кино пленку.

Вечером хронику показали товарищу Сталину. Вождя заинтересовала сцена — американец любит русским богатырем. Вождь спросил:

— Как фамилия?

— Курсант Солоухин, — немедленно выяснили и доложили подчиненные.

Вождь подумал и сказал:

— Не могу ли я что-то сделать для этого хорошего парня?

Через двадцать секунд в казарму прибежали запыхавшиеся генералы и маршалы:

— Где курсант Солоухин?

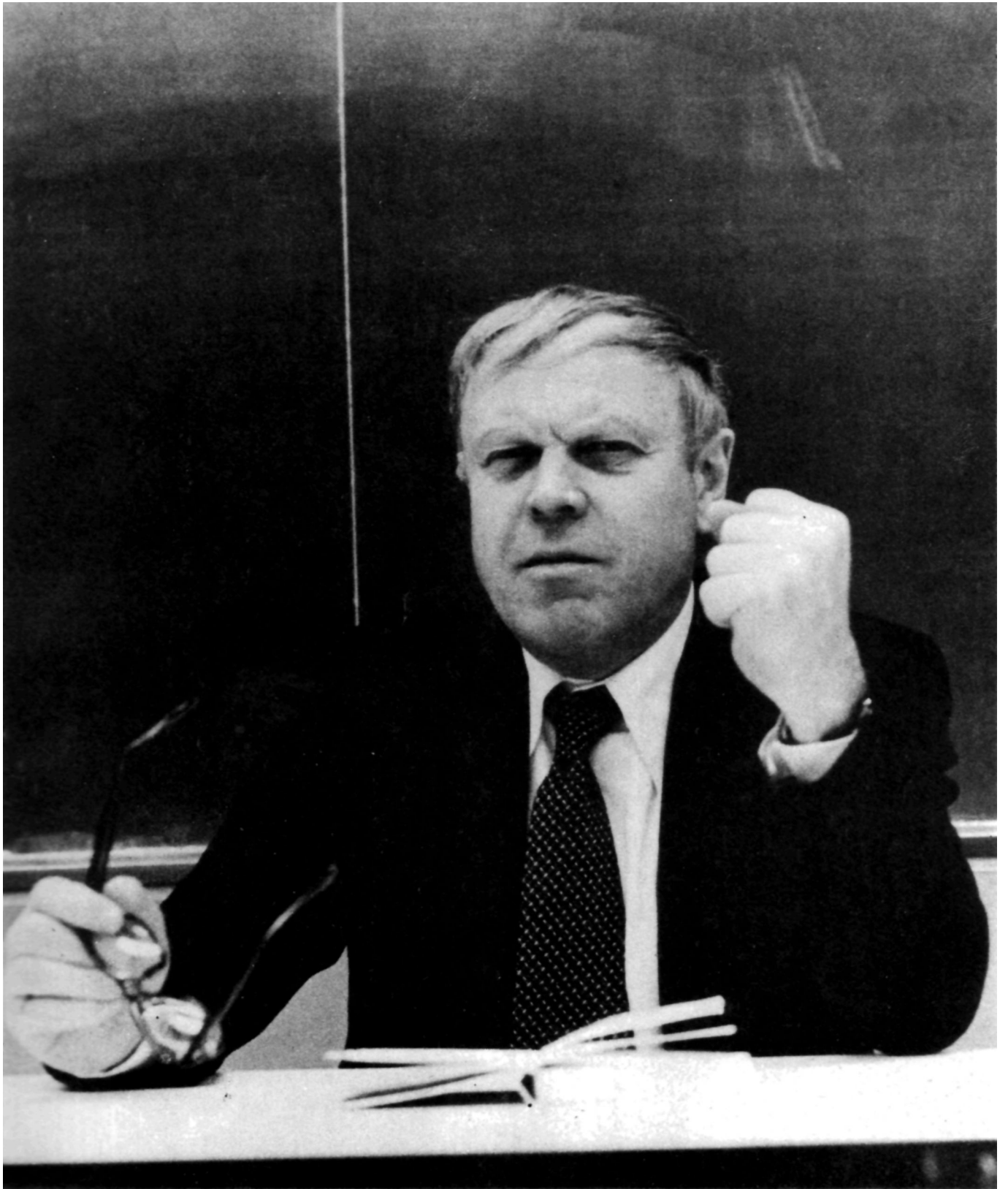
Появился заспанный Володя Солоухин.

— Солоухин, — крикнули генералы, — есть у тебя заветное желание?

Курсант, подумав, выговорил:

— Да я вот тут стихи пишу... Хотелось бы их где-то напечатать.

Через три недели была опубликована его первая книга — «Дождь в степи».

Владимир СПИВАКОВ

Спивакова долго ущемляли в качестве еврея.
Красивая фамилия не спасала его от
антисемитизма. Ему не давали звания.

С трудом выпускали на гастроли.
Доставляли ему всяческие неприятности.

Наконец Спиваков добился гастрольной
поездки в Америку. Прилетел в Нью-Йорк.
Приехал в Карнеги-Холл.

У входа стояли ребята из Лиги защиты
евреев. Над их головами висел транспарант:
«Агент КГБ — убирайся вон!»

И еще:

«Все на борьбу за права советских евреев!»

Начался концерт. В музыканта полетели
банки с краской. Его сорочка была в алых
пятнах.

Спиваков мужественно играл до конца.
Ночью он позвонил Соломону Волкову.

Волков говорит:

— Может, после всего этого тебе дадут
«заслуженного артиста»?

Спиваков ответил:

— Пусть дадут хотя бы «заслуженного
мастера спорта»...

Вера СТРАВИНСКАЯ

Томас Манн говорил о Вере Стравинской:

— Это типичная русская красавица!..

Кстати, ее отец был француз, мать — шведка.

В молодости Стравинская была женой англичанина Шиллинга. Понравилась Таирову. Он пригласил ее в свой театр. Представляя молодую актрису труппе, говорил:

— Не было ни гроша, да вдруг — Шиллинг...

Затем она была женой художника Судейкина. Показывая ее друзьям, Судейкин восклицал:

— Обратите внимание на ее плечи!
Обратите внимание на ее талию!..

Однажды к нему заехал Стравинский. Услышал:

— Обратите внимание на ее шею!..

Стравинский проявил исключительное внимание. Вера Артуровна на долгие годы стала его подругой. А затем и женой.

Олег ЦЕЛКОВ

Когда-то Целков жил в Москве и очень бедствовал. Евтушенко привел к нему Артура Миллера. Миллеру понравились работы Целкова.

Миллер сказал:

— Я хочу купить вот эту работу. Назовите цену.

Целков ехидно прищурился и выпалил давно заготовленную тираду:

— Когда вы шьете брюки, то платите двадцать рублей за метр габардина. А это, между прочим, не габардин.

Миллер вежливо сказал:

— И я отдаю себе в этом полный отчет.

Затем он повторил:

— Так назовите же цену.

— Триста! — выкрикнул Целков.

— Триста? Чего? Рублей?

Евтушенко за спиной высокого гостя нервно и беззвучно артикулировал:

«Долларов! Долларов!»

— Рублей? — переспросил Миллер.

— Да уж не копеек! — сердито ответил Целков.

Миллер расплатился и, сдержанно попрощавшись, вышел. Евтушенко обозвал Целкова кретином...

С тех пор Целков действовал разумнее. Он брал картину. Измерял ее параметры. Умножал ширину на высоту. Вычислял, таким образом, площадь. И объявлял неизменную твердую цену:

— Доллар за квадратный сантиметр!

Галина ВИШНЕВСКАЯ

Это было в пятидесятые годы. Мой отец готовил эстрадный спектакль «Коротко и ясно». Пригласил двух молодых артисток из областной филармонии. Роли им предназначались довольно скромные. Что-то станцевать на заднем плане. Что-то спеть по мере надобности.

На худсовете одну артистку утвердили, другую забраковали. Худрук Ленгосэстрады Гершуни сказал моему отцу:

— Пожалуйста, мы эту вашу Галю зачислим в штат актрисой разговорного жанра. Репетируйте. Пусть она играет все, что надо. Но петь... Уж поверьте мне как специалисту — петь она не будет...

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Одна знакомая поехала на дачу к Вознесенским. Было это в середине зимы. Жена Вознесенского, Зоя, встретила ее очень радушно. Хозяин не появлялся.

— Где же Андрей?

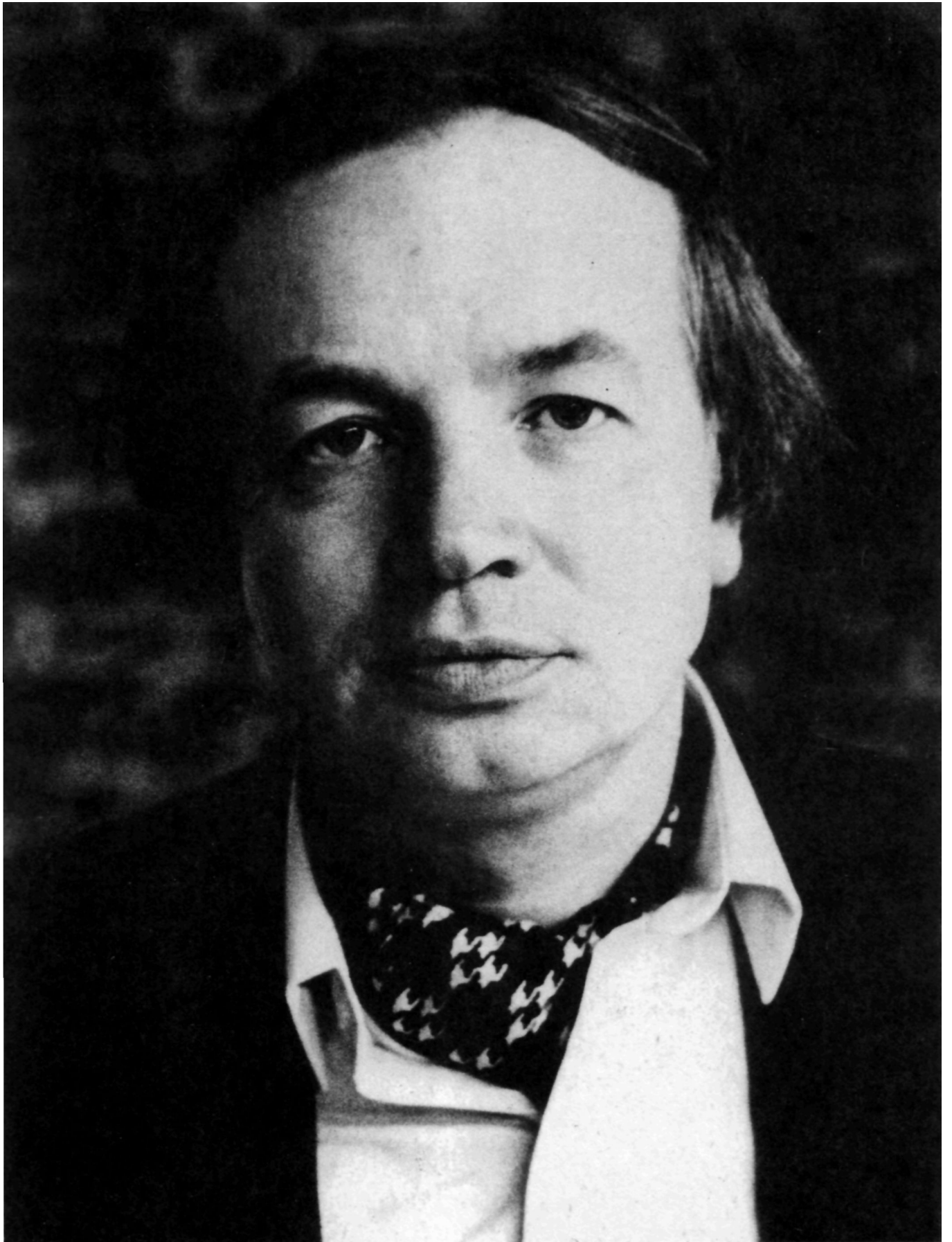
— Сидит в чулане. В дубленке на голое тело.

— С чего это вдруг?

— Из чулана вид хороший на дорогу. А к нам должны приехать западные журналисты. Андрюша и решил: как появится машина — дубленку в сторону! Выбежит на задний двор и будет обсыпаться снегом. Журналисты увидят — русский медведь купается в снегу. Колоритно и впечатляюще! Андрюша их заметит, смутится. Затем, прикрывая срам, убежит. А статьи в западных газетах будут начинаться так:

«Гениального русского поэта мы застали купающимся в снегу...»

Может, они даже сфотографируют его. Представляешь — бежит Андрюша с голым задом, а кругом российские снега.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

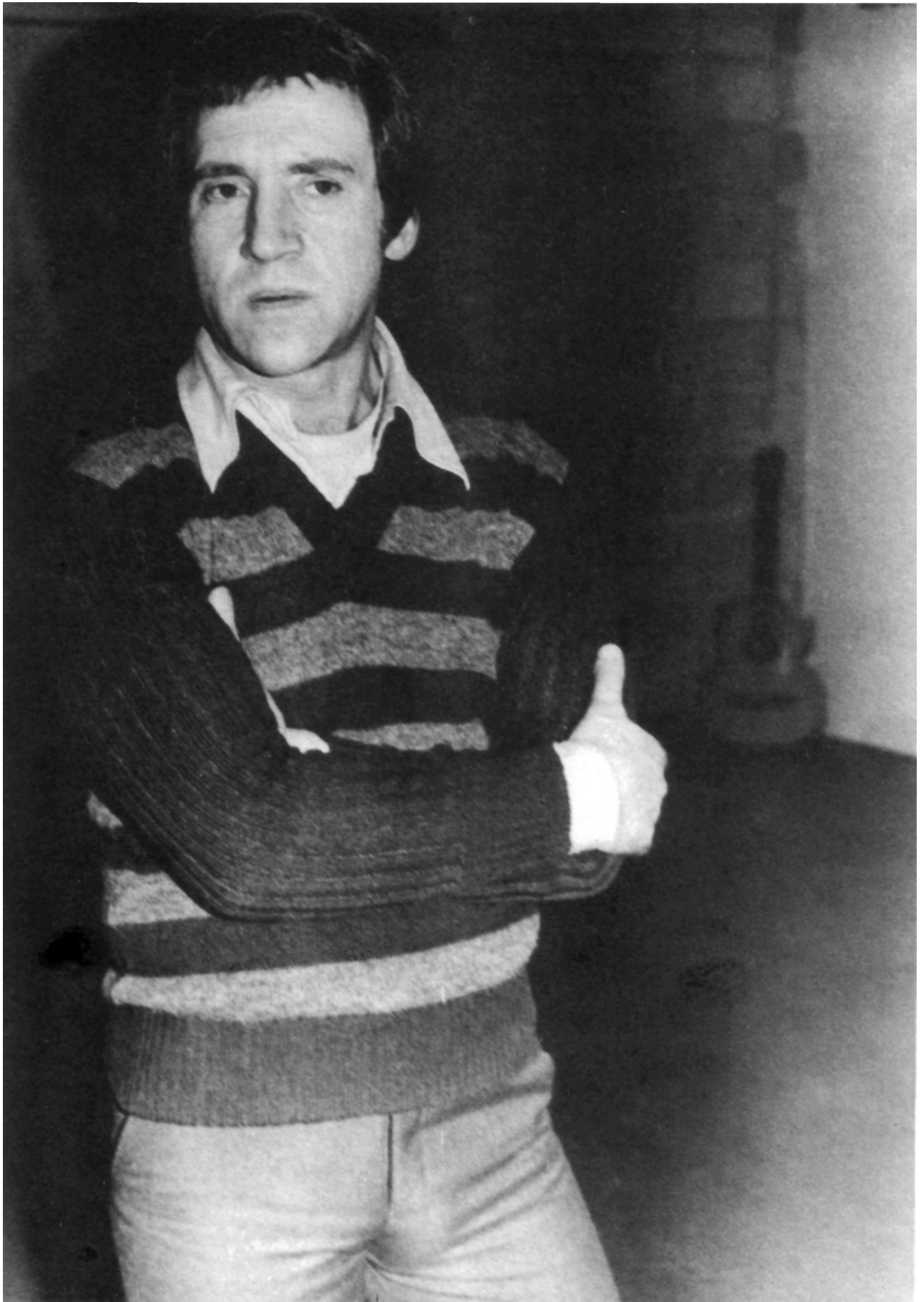
Высоцкий рассказывал:

«Не спалось мне как-то перед запоем. Вышел на улицу. Стою у фонаря. Направляется ко мне паренек. Смотрит, как на икону: «Дайте, пожалуйста, автограф». А я злой, как черт. Иди ты, говорю...

...Недавно был я в Монреале. Жил в отеле «Хилтон». И опять-таки мне не спалось. Выхожу на балкон покурить. Вижу, стоит поодаль мой любимый киноактер Чарльз Бронсон. Я к нему. Говорю по-французски: «Вы мой любимый артист...» И так далее... А он мне в ответ: «Гоу!..» И я сразу вспомнил того парнишку...»

Заканчивая эту историю, Высоцкий говорил:

— Все-таки Бог есть!

Владимир ЯКОВЛЕВ

Эта фотография сделана в психиатрической больнице. На снимке запечатлен художник Яковлев. Бахчанян, например, считает Яковлева лучшим из московских художников. Вернее, самым талантливым.

Кстати, Бахчанян до определенного момента считал Яковлева вполне здоровым. Однажды Бахчанян сказал ему:

— Давайте я запишу номер вашего телефона.

— Записывайте. Один, два, три...

— Дальше.

— Четыре, пять, шесть, семь, восемь...

И Яковлев сосчитал до пятидесяти.

— Достаточно, — прервал его Бахчанян, — созвонимся...

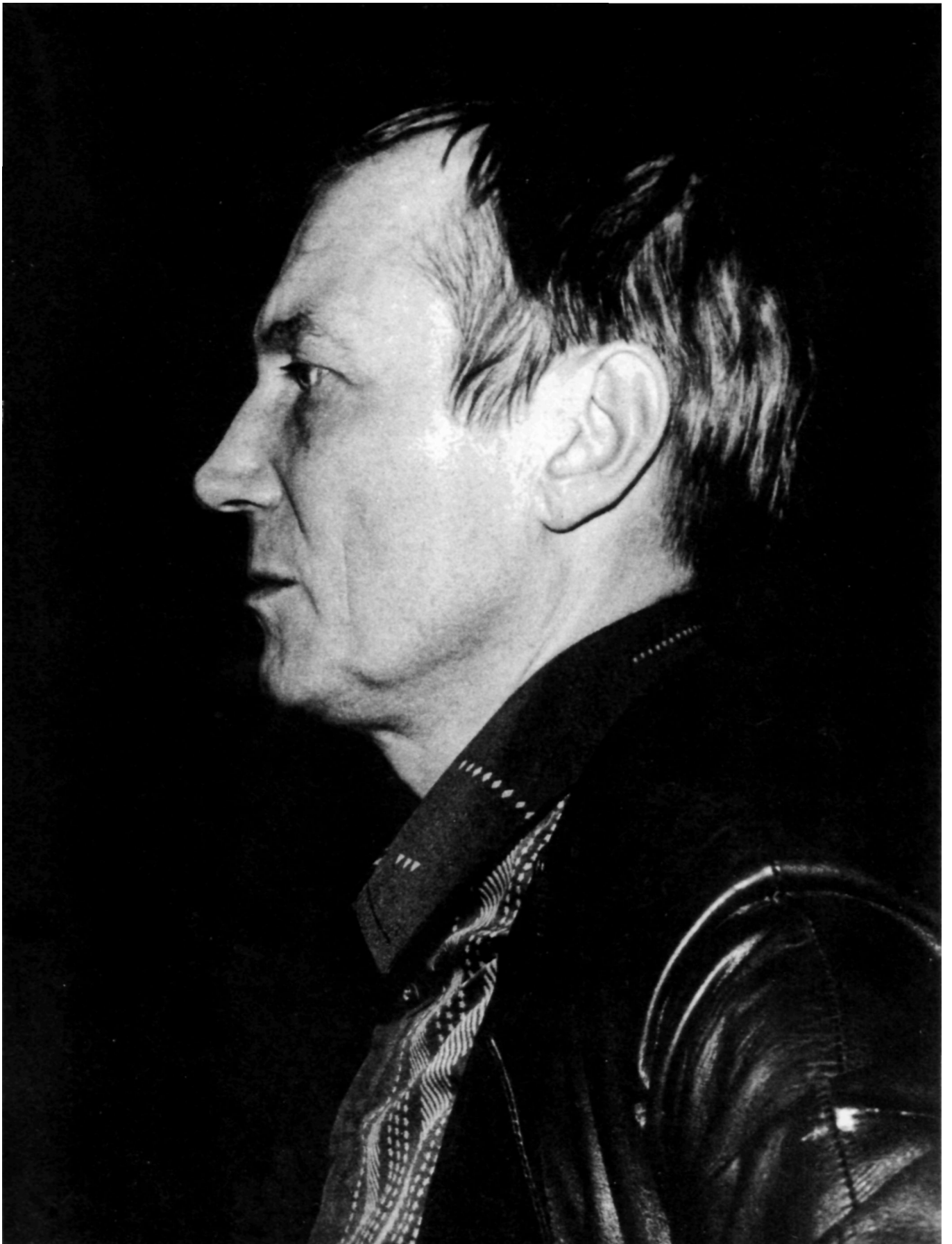

Евгений ЕВТУШЕНКО

Молодого Евтушенко представили Ахматовой. Евтушенко был в модном свитере и заграничном пиджаке. В нагрудном кармане поблескивала авторучка.

Ахматова спросила:

— А где ваша зубная щетка?

Сергей ЮТКЕВИЧ и Григорий АЛЕКСАНДРОВ

Юткевич снял несколько парадных фильмов о Ленине. Все же и у него есть как минимум одно творческое достижение. Юткевич открыл Высоцкого.

Юткевич был руководителем театра МГУ. Нужно было организовать в пятидесятые годы концерт для иностранных студентов. Обратились за помощью к Юткевичу. Юткевич сказал:

— В студии МХАТа есть одаренный парень. Исполняет собственные песни. Вроде бы на четвертом курсе, у Массальского. Фамилию забыл...

У Юткевича была отличная память. Но он говорил:

— Когда рекомендуешь артиста, надо, чтобы его поискали. Тогда к нему отнесутся с уважением...

Концерт состоялся. В зале присутствовало крупное начальство. И даже секретарь ЦК Пospelов. Высоцкий имел огромный успех. Но товарищ Пospelов выкрикнул:

— Прекратить!

К счастью, оргвыводов не последовало. Времена были сравнительно либеральные. Молодой Александров был учеником Эйзенштейна. Ютился у него в общежитии Пролеткульта. Там же занимал койку молодой Иван Пырьев.

У Эйзенштейна был примус. И вдруг он пропал. Эйзенштейн заподозрил Пырьева и Александрова. Но потом рассудил, что Александров — модернист и западник. И старомодный примус должен быть ему морально чужд. А Пырьев — тот, как говорится, из народа...

Так Александров и Пырьев стали врагами. Так наметились два пути в развитии советской музыкальной кинокомедии. Пырьев снимал кино в народном духе. («Богатая невеста», «Трактористы».) Александров работал в традициях Голливуда. («Веселые ребята», «Цирк».)

Лев ЗБАРСКИЙ

Лично для меня хрущевская оттепель началась с рисунков Збарского. По-моему, его иллюстрации к Олеше — верх совершенства. Впрочем, речь пойдет о другом.

У Збарского был отец, профессор, даже академик. Светило биохимии. В 1924 году он собственными руками мумифицировал Ленина.

Началась война. Святыню решили эвакуировать в Барнаул. Сопроводить мумию должен был академик Збарский. С ним ехали жена и малолетний Лева.

Им было предоставлено отдельное купе. Левушка с мумией занимали нижние полки.

На мумию, для поддержания ее сохранности, выдали огромное количество химикатов. В том числе — спирта, который удавалось обменивать на маргарин...

Недаром Збарский уважает Ленина. Благодарит его за относительно счастливое детство.

Указатель имен

- Аксенов Василий (р. 1932), писатель. Эмигрировал в 1980.
Александров Григорий (1903—1983), кинорежиссер.
Алешковский Юз (р. 1929), писатель. Эмигрировал в 1978.
Андроников Ираклий (1908—1990), писатель, литературовед, мастер устного рассказа.
Ахмадулина Белла (р. 1937), поэт.
Ашкенази Владимир (р. 1937), пианист, дирижер. Эмигрировал в 1963.
Баланчин Георгий (1904—1983), хореограф. Эмигрировал в 1924.
Барышников Михаил (р. 1948), танцор, хореограф. Эмигрировал в 1974.
Бахчанян Вагрич (р. 1938), художник. Эмигрировал в 1974.
Битов Андрей (р. 1937), писатель.
Брик Лиля (1891—1978), литератор.
Бродский Иосиф (р. 1940), поэт, лауреат Нобелевской премии. Эмигрировал в 1972.
Вишневская Галина (р. 1926), певица. Эмигрировала в 1974.
Вознесенский Андрей (р. 1933), поэт.
Войнович Владимир (р. 1932), писатель. Эмигрировал в 1980.
Волков Соломон (р. 1944), музыковед, журналист. Эмигрировал в 1971.
Высоцкий Владимир (1934—1980), поэт, актер.
Годунов Александр (р. 1949), танцор, киноактер. Эмигрировал в 1979.
Горбаневская Наталья (р. 1936), поэт. Эмигрировала в 1975.
Горовиц Владимир (р. 1904), пианист. Эмигрировал в 1925.
Данилова Александра (р. 1904), балерина. Эмигрировала в 1924.
Евтушенко Евгений (р. 1933), поэт.
Збарский Лев (р. 1931), художник, скульптор. Эмигрировал в 1972.
Климов Элем (р. 1937), кинорежиссер.
Комар Виталий (р. 1943), художник. Эмигрировал в 1977.
Кондрашин Кирилл (1914—1981), дирижер. Эмигрировал в 1978.
Кондрашина Нолда (р. 1944), музыкальный критик.
Коржавин Наум (р. 1925), поэт. Эмигрировал в 1974.
Кремер Гидон (р. 1948), скрипач. Эмигрировал в 1980.
Кухарский Василий (р. 1918), сотрудник Министерства культуры.
Лимонов Эдуард (р. 1943), прозаик, поэт. Эмигрировал в 1974.
Любимов Юрий (р. 1917), театральный режиссер, актер. Эмигрировал в 1983.
Меламид Александр (р. 1945), художник. Эмигрировал в 1977.
Мильштейн Натан (р. 1904), скрипач. Эмигрировал в 1972.
Найман Анатолий (р. 1936), поэт.
Неизвестный Эрнст (р. 1925), скульптор, художник. Эмигрировал в 1976.
Некрасов Виктор (1911—1987), писатель. Эмигрировал в 1975.
Нестеренко Евгений (р. 1938), певец.

Нуриев Рудольф (р. 1938), танцор, хореограф. Эмигрировал в 1974.
Окуджава Булат (р. 1924), поэт, прозаик.
Панов Валерий (р. 1938), танцор, хореограф. Эмигрировал в 1974.
Панова Галина (р. 1948), балерина. Эмигрировала в 1974.
Райт-Ковалева Рита (р. 1898—1988), переводчица.
Рихтер Святослав (р. 1915), пианист.
Рождественский Геннадий (р. 1931), дирижер.
Ростропович Мстислав (р. 1927), виолончелист, дирижер. Эмигрировал в 1974.
Синявская Мария (р. 1929), издатель, редактор. Эмигрировала в 1973.
Синявский Андрей (р. 1925), писатель, литературный критик. Эмигрировал в 1973.
Солоухин Владимир (р. 1924), писатель.
Спиваков Владимир (р. 1944), скрипач, дирижер.
Стравинская Вера (1898—1982), художник. Эмигрировала в 1920.
Хачатурян Арам (1903—1978), композитор.
Целков Олег (р. 1937), художник. Эмигрировал в 1974.
Шемякин Михаил (р. 1943), художник. Эмигрировал в 1971.
Шкловский Виктор (1893—1984), писатель, литературовед.
Шнитке Альфред (р. 1934), композитор.
Шостакович Максим (р. 1938), дирижер. Эмигрировал в 1981.
Юткевич Сергей (1904—1985), кинорежиссер.
Якобсон Роман (1886—1982), лингвист, литературовед. Эмигрировал в 1921.
Яковлев Владимир (р. 1934), художник.

Марианна Волкова
Сергей Довлатов
Не только Бродский

Редактор Е. А. Шкловский
Художник А. А. Верцайзер
Художественный редактор
В. П. Басылайканова
Технический редактор Л. Б. Чуева
Корректор И. Д. Аблина

Сдано в набор 12.02.92. Подп. в
печать 10.06.92. Формат 84X
X108¹/₁₆. Бумага офсетн. Печать
офс. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд.
л. 7,60. Заказ № 179. Изд. № 102.
Тираж 25 000 экз.

РИК «Культура», Москва, 121835,
ул. Арбат, 35.
АИО «Принт». 101425, Москва,
ГСП, К-51, ул. Петровка, 22.

Ордена Трудового Красного
Знамени
Чеховский полиграфический
комбинат Министерства печати
и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской
области

Фотографии Марианны Волковой публиковались «Нью-Йорк Таймс», «Ньюсуик», «Шпигелем», «Эуропео» и другими изданиями. Харрисон Е. Солсбери писал: «Марианна Волкова — фотограф необычайной чуткости, и ее камера мгновенно находит путь к сердцам людей. Возможно, именно ее русское происхождение открывает ей души художников и тех, на кого направляет она свой объектив. Из всех известных

мне портретных альбомов этот в наибольшей степени передает образ русской интеллигенции».

Сергей Довлатов (1941—1990) — известный писатель эмиграции «третьей волны», чьи рассказы и повести опубликованы теперь и в нашей стране.

Юмор Сергея Довлатова — одна из драгоценных черт его замечательного таланта.